

Великая награда борцам за мир

18 и 20 декабря в Москве под председательством академика Д. В. Скобелева состоялось заседание Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами».

Рассмотрев на своих заседаниях поступившие предложения о присуждении международных Сталинских премий за 1951 год, Комитет постановил:

- За выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира присудить международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами» следующим представителям демократических сил различных стран мира:
1. Го Мо-жо — президенту Китайской академии наук;
  2. Пьетро Ненни — депутату парламента (Италия);
  3. Икуо Ояма — профессору, депутату парламента (Япония);
  4. Монике Фелтон — общественной деятельнице (Англия);
  5. Анне Зегерс — писательнице (Германия);
  6. Жоржи Амаду — писателю (Бразилия).

Миллионы людей доброй воли во всех концах земного шара, горящие на горячих языках и наречиях, горячо приветствуют и поздравляют новую плеяду лауреатов международных Сталинских премий, выдающихся борцов за мир.

Глубочайшего смысла для всех, кто стремится к миру и дружбе между народами, исполнено то обстоятельство, что международные премии, присуждаемые лучшим представителям демократических сил, освещены дорогим каждому сердцу именем Сталина, знаменосца мира, вождя и учителя всего прогрессивного человечества.

Учрежденные Президиумом Верховного Совета СССР в 1949 году в связи с семидесятилетием И. В. Сталина, международные Сталинские премии являются выражением последовательной миролюбивой политики, проводимой Советским Союзом.

Еще не минуло и года с тех пор, как впервые были присуждены международные Сталинские премии, с тех пор, как отмечены были этой высокой наградой выдающиеся деятели движения людей доброй воли во главе с Фредериком Жолио-Кюри.

Месяцы, прошедшие с той славной даты, ознаменованы славными победами лагеря мира. Новые и новые человеческие массы влились в ряды сторонников мира. Шестсот миллионов подписей под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира — таковы плоды огромной работы, проведенной людьми доброй воли во всех странах. Все громче голос народных масс, требующих прекращения атомного оружия, прекращения войны в Корее, сокращения вооружений и вооруженных сил и установления эффективного международного контроля.

Эти месяцы отмечены и новыми создательными успехами нашей могучей и миролюбивой Родины.

Мы боремся за мир! На весь свет прозвучали речи советских людей с трибуны Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира. На весь мир звучит голос советских дипломатов из дворца Шайо в Париже, где на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН посланцы Советского Союза изоблачают подлые козни Уолл-стрит.

Новые лауреаты международных Сталинских премий олицетворяют собою растущий и крепнущий лагерь мира. Каждый из них широко известен, каждый из них своей благородной деятельностью завоевал признательность народов.

Высокой наградой удостоен верный сын великого китайского народа Го Мо-жо, крупнейший писатель и ученый-историк, активный участник национального и ме-

ждународного движения в защиту мира, государственный и общественный деятель, весь свой талант, все свои знания, всю энергию посвятивший возвышенному служению делу мира, прогресса и свободы народов.

Международная Сталинская премия присуждена выному и авторитетному политическому деятелю Италии Пьетро Ненни. Пламенный защитник интересов простых людей своей страны, неутомимый поборец мира, Пьетро Ненни — всегда в борьбе. Он страстно изоблачает врагов человечества и непреклонно отстаивает правое дело, служению которому отдает себя целиком.

Член Всемирного Совета Мира профессор Икуо Ояма борется за мир в условиях американской оккупации Японии. Крупнейший ученый и политический деятель по праву говорит от имени своего народа, от имени лучших его сынов, которые не желают, чтобы Япония стала плацдармом новой войны, которые видят будущее Японии в мирном ее развитии. Профессор Ояма был инициатором созванного в 1949 году первого национального конгресса в защиту мира. Здесь зародилось массовое организованное движение сторонников мира в Японии.

В 1951 году весь мир узнал о мужестве англичанки Моника Фелтон. Посетив в составе специальной комиссии Международной демократической федерации женщин Корею, Фелтон по возвращении на родину правдиво рассказала своему народу о том, что видела в многострадальной стране, подвергшейся нападению американских захватчиков. Правдивые факты Англии применили репрессии против Фелтон.

Но ни угрозы, ни клевета, ни преследования не заглушили мужественную женщину. «Правда о Корею настольно уяснена, что ничто не заставит меня молчать», — заявила она в одном из своих бесстрашных выступлений.

«Борьба за мир стала для писателя основным содержанием его профессии». Эти высказывания немецкой писательницы Анны Зегерс определили всю ее деятельность. Пламенный антифашист, автор всемирно известных книг, она посвятила свою жизнь борьбе за интересы германского народа. Широко известны и переведены на многие языки ее замечательные книги «Седьмой крест», «Мертвые остаются молодыми» и многие другие, в которых оружием слова Анна Зегерс сражается за счастье своего и всех народов.

Жоржи Амаду — выдающийся бразильский писатель, вынужденный покинуть свою родину, где царят американские лакеи, нашел свое место в строю борцов за мир. Его произведения проникнуты идеей борьбы за мир, национальную независимость своей страны, горячую любовь к своему народу, ненавистью к американским агрессорам. С огромной силой звучат его строки из поэмы «Песнь о советской земле».

...Ты мир Земли...
Твое стальное выковано сердце
Из стали Сталина. Он сердце мира,
Он солнце человечества всего!

Пример выдающихся борцов за мир воодушевляет на славные подвиги новые и новые миллионы простых людей.

Присуждение международных Сталинских премий встречено с огромным воодушевлением сторонниками мира во всех странах. Советские люди, ведомые великим Сталиным, посылают все свои силы делу укрепления могущества Советской Родины — оплоту мира во всем мире. Приветствуя новых лауреатов международной Сталинской премии, желаем им новых успехов на их благородном поприще, советский народ заявляет о своей непоколебимой решимости и впредь проводить сталинскую политику мира.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 151 (2869) Суббота, 22 декабря 1951 г. Цена 40 коп.

Надежда всей земли

Мы собрались здесь накануне 72-й годовщины со дня рождения Сталина, великого человека, к которому обращены взоры всех миролюбивых народов. Нам выпала честь и дог присутствовать — вот уже второй раз — международные премии «За укрепление мира между народами», премии, посвященные имени этого великого человека.

Да будет нам позволено в эти последние дни 1951 года бросить взгляд назад на те недели и месяцы, которые отделяют нас от нашего последнего заседания, когда наш председатель, выдающийся советский ученый Д. В. Скобелевич огласил результаты наших трудов и имена первых лауреатов Сталинских премий мира, а также в этот раз — международные премии «За укрепление мира между народами», премии, посвященные имени этого великого человека.

В эти месяцы миру угрожали серьезные опасности, и война продолжала идти во многих местах земного шара, откуда люди, заинтересованные в том, чтобы распространить ее по всей земле. Но в эти месяцы продолжалась также огромная и упорная работа, направленная на защиту мира; мужество народов, их решимость поддержать главнейшее требование сторонников мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами, открыли многие, до той поры закрытые глаза на высокие истины, в которых заключаются надежда всего мира и основа сталинской философии мира: да, война не является неизбежной, различные социальные режимы могут мирно сосуществовать, поддержание мира во всем мире зависит от действия народов.

Сила этих истин столь велика и прогресс в овладении ими столь значителен, что моя страна, например, недавно услышала заявление священника, коадьютора лионского архиепископа, который сказал, что в случае «превентивной» войны, то есть агрессивной войны США против Советского Союза (такое толкование этого слова принадлежит самому коадьютору), дог французских католиков — не почитать обязательствам Атлантического пакта и отказаться от военного повиновения. Такое заявление, сделанное в Лионе, классическом районе отхода от воинской службы по идеологическим мотивам, свидетельствует, что подлинно миролюбивый характер сталинской политики привлек во Франции не только передовую часть рабочего класса. Кроме того, заявление коадьютора лионского архиепископа совпадает по времени с попытками, сделанными лионскими предпринимателями и направленными на возобновление нормальных торговых отношений с СССР и странами народной демократии.

В последние недели можно было видеть, как умножилось победного рода выступления, проводимые совместно рабочими, интеллигенцией и предпринимателями. В этом

Речь на заседании Комитета по присуждению международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами».

Луи АРАГОН,

заместитель председателя Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами»

распространении шире миролюбивых взглядов во Франции работам моей страны принадлежит историческая инициатива, так же как и в движении Сопротивления во время немецкой оккупации. Оно приобретает все больше и больше обих черт с прогрессом в национальном сознании в дни разгрома нацистских позиций под Сталинградом. В этом возрастающем национальном сознании тогда, как и сейчас, сложно переплетались патристические чувства и экономические интересы, лучше усвоенные.

В те дни многие люди, которые не верили в возможности Сопротивления, которые, будучи изданы приучены видеть во французском рабочем противнике, еще накануне испытывали страх перед действиями нашего народа против оккупантов, начали искать союза с простыми людьми в битве за независимость. И сегодня мы видим, как намечается поворотный пункт такого же порядка.

Несомненно, что великие сталинские действия, направленные на установление мира в Корею, против вооружения Германии и Японии, на проведение всеобщего прогрессивного и контролируемого сокращения вооружений, на запрещение оружия массового уничтожения людей, прояснили в нашей стране национальное сознание сегодня так же, как в 1943 году, и сделали последние весьма трудной задачей тех, кто хочет, подготовляя за зимовой завесой войну, продолжать ложно истолковывать

ПРИЕМ В СОВЕТСКОМ КОМИТЕТЕ ЗАЩИТЫ МИРА

Вчера Советский Комитет защиты мира устроил прием в честь находящегося в Москве члена Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами» Луи Арагона (Франция), Джона Бернала (Англия), Пабло Неруа (Чили), Яна Дембовского (Польша), Михаила Саломана (Румыния).

На приеме присутствовали председатель Комитета по международным Сталинским премиям академик Д. В. Скобелевич, видные ученые, писатели, общественные деятели, члены Советского Комитета защиты мира.

Гостей приветствовали заместитель председателя Советского Комитета защиты мира Илья Эренбург, академик Б. Д. Греков и другие члены Комитета.

Прием прошел в теплой, дружественной обстановке.

нашему народу характер и причины опасности, которым подвергается ныне мир на земле.

И то, что я говорю о своей стране, географическое положение которой делает ее столь ценной в глазах тех, кто хотел бы развязать войну, осужденную людским презрением, не является, конечно, характерным только для моей страны. Я свидетельствую здесь о том, что и знаю лучше всего. Я знаю так же, как и все, как способствуют укреплению лагеря мира упрочение и рост национального сознания народов в целом ряде стран, возросшее мужество многих народов, которыми раньше империалистические державы полагали возможным распоряжаться по своему усмотрению. Эти народы требуют ныне громко и настоятельно своего права распоряжаться своей землей, располагать ее естественными богатствами, своего права не входить в коалиции, ставящие перед собой военные цели и защиту интересов, которые им чужды, своего права не видеть у себя на родине лагерей оккупационных армий.

Несомненно, в лагере войны нарушается равновесие всякий раз, когда какой-либо народ укрепляется таким образом в своей воле к национальной независимости в одном из пунктов на огромной шахматной доске стратегов агрессии. Итак, в мировом масштабе борьба за мир и требование национальной независимости столь совпадают друг с другом, что становится совершенно ясно всем, — и в этом суть сталинских уроков, — что битва за мир в наши дни является самой высокой формой патриотизма.

Я прошу вашего извинения, мои дорогие коллеги, за то, что говорю вам вещи, которые вы знаете так же хорошо, как и я. Я хотел только подчеркнуть их в тот момент, когда мы должны приступить к присуждению Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Признанные определять тех, кто получит эти премии, носители имя человека, которого я называю здесь великим философом Мира, мы обязаны избрать мужчин и женщин, являющихся законной гордостью своих народов, как мы это и сделали в первый раз, когда присудили премии Фредерик Жолио-Кюри, горлост французской науки, или генералу Хара, герою мексиканской независимости (я говорю, называя в качестве примера двух лауреатов, то, что я мог бы сказать обо всех). Так, во имя мира на земле, присуждение Сталинских международных премий освещает и будет освещать истинных законных национальных героев народов и провозглашает возможность мирного сосуществования независимых наций, их соревнования в стремлении производить на благо всего человечества ценности, которые выходят из их самой сокровенной глубины и которые делают каждый день каждого мужчины и женщину все более похожими на тот светлый идеал, что они носят в сердце.

Го Мо-жо
президент Китайской академии наук

Пьетро Ненни
депутат парламента (Италия)

Икуо Ояма
профессор, депутат парламента (Япония)

Моника Фелтон
общественная деятельница (Англия)

Анна Зегерс
писательница (Германия)

Жоржи Амаду
писатель (Бразилия)

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1951 ГОД

Го Мо-жо

ПОПУЛЯРНЫЙ китайский народ, народ-победитель, навеки склепанный с плеч вековой рабство, выдвинул за годы освободительной борьбы блестящую плеяду неутомимых, преданных, страстных борцов за всенародное дело, чья имена завоевали глубокое уважение не только в самом Китае, но и далеко за его пределами.

С удовлетворением встретят все честные люди на земле сообщение о награждении международной Сталинской премией, наряду с другими всемирно известными наградами за мир, Го Мо-жо — славного сына китайского народа, крупнейшего писателя, ученого, общественного и государственного деятеля нового Китая.

Имя Го Мо-жо неотделимо от борьбы китайского народа за свою свободу и независимость, за победу дела мира.

Мы хорошо знаем Го Мо-жо по его пламенным выступлениям на международных форумах, на конгрессах и конференциях, посвященных самому насущному делу человечества — борьбе за мир.

Голос Го Мо-жо звучал на Всемирном конгрессе сторонников мира в Праге в апреле 1949 года. С трибуны второго Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве Го Мо-жо разоблачал проныры поджигателей войны, клеймил позором кровавые дела американских интервентов в Корею. На этом конгрессе он был единодушно избран вице-председателем Всемирного Совета Мира.

Го Мо-жо — один из виднейших представителей современной китайской литературы. Он начал писать с 1916 года. Еще в 1922 году, вместе со своим другом Чен Фа-у, он основал ассоциацию литераторов «Творчество». Своими первыми произведениями он завоевал себе признание читателей, особенно среди китайской молодежи.

Го Мо-жо пишет рассказы, пьесы, романы и публицистические статьи. Он — автор сборника стихов, переводчик произведений русских и западноевропейских писателей. Его перу принадлежит ряд работ,

посвященных древней истории и философии Китая.

Среди написанных им произведений — автобиография в форме дневников, несколько книг очерков и путевых заметок, исторические пьесы «Поэт Цюй Янь» и др., исследования по истории, как, например, «Древнее общество Китая», работа о крестьянских войнах во время династии Мин, статьи по древней китайской философии. Ему принадлежит также переводы на китайский язык «Фауста», «Войны и мира».

Го Мо-жо всегда со своим народом. Он участник китайской революции 1925—1927 гг. Когда китайский народ поднялся против японских захватчиков, он призывает китайских патриотов не давать пощады врагу, бороться за освобождение родины от захватчиков.

Таким образом, перед нами человек, имеющий всестороннее образование, глубокий знаток истории Китая, страстный патриот, для которого история своего народа ни на миг не оставалась отвлеченной наукой, а всегда была ключом к пониманию насущных задач современности и перспектив народно-освободительной борьбы.

Тонко понимая все своеобразие, все оттенки своей родной национальной культуры, Го Мо-жо одновременно с юношеской любознательностью, неистощимой трудоспособностью изучает развитие национальных культур в других странах мира и по традиционной дружбе двух великих народов — китайского и советского с особой горячностью и любовью обращается к истории и великому революционному опыту советского народа.

Казалось бы, что этот непрерывный научный труд мог наложить свой отпечаток на самую натуру ученого, отвлечь его от повседневных интересов современной кипучей жизни, замкнуть его в круге специальных научных задач. Но в том-то и сила прогрессивной революционной науки, что она не только не сужает человека, но, напротив, питает его душу неиссякаемыми жизненными соками, посту-

пающими к нему из самой гущи жизни народа, которому она неизменно служит. И иначе не объяснить той кипучей энергии, той неисчерпаемой молодости, которой полон шестидесятилетний Го Мо-жо, которая захватывает вас при первом же знакомстве с ним.

С победой народной революции особенно расцвет талант Го Мо-жо. Он ведет большую общественную и государственную работу, возглавляет Китайский народный комитет защиты мира и борьбы с американской агрессией. Вся деятельность Го Мо-жо — наглядное свидетельство служения этого выдающегося человека своему народу, делу мира и прогресса.

Мне довелось впервые увидеть Го Мо-жо на правительственной трибуне на площади Тяньаньмынь в Пекине 1 октября 1949 года в день провозглашения Китайской Народной Республики. Этот суровый, сдержанный и точный в своих движениях человек, возраст которого вы никак не могли бы угадать, весело прищуренными, яркими и счастливыми глазами смотрел перед собой на море красных знамен, дозвонков, плакатов, на портреты вождей революции, на весь кипучий, пламенный праздник победившего революционного народа, с которым он прошел всю свою сознательную жизнь, за счастье которого он боролся и продолжает бороться.

Всем существом своим он впитывал вольный ветер, жетевич над площадью и приносивший с собой на трибуну говор, смех, возмущения миллионной массы людей, запыленной площадью и прилегающей улицы. В эту минуту вождь китайского народа во главе с Мао Цзедунем, полководцы, государственные деятели, стоявшие у колыбели нового свободного китайского государства, переживали ту степень человеческого счастья, которую могут знать только люди, видящие свое счастье в счастье народа. Одним из этих людей и был Го Мо-жо, и таким мы запомнили его навсегда.

Затем мы встречались с ним в разных городах Китая, то на митинге, посвященном борьбе за мир, то на собраниях членов Общества китайско-советской дружбы, то на открытии художественной выставки, то на слете передовиков промыш-

ленности, то на лекции перед шеститысячной аудиторией студентов Народного университета. И везде Го Мо-жо выступал со своим пламенным, остроумным, смелым и метким словом, всегда вдохновенный, всегда понятный, всегда любимым простыми людьми, будь то крестьянин, рабочий, студент, учитель или солдат. Незадолго Го Мо-жо стал одним из активнейших борцов за дело мира. Го Мо-жо любит жизнь, Го Мо-жо любит людей. Он истинный борец за счастье людей и вследствие этого — страстный борец за дело мира. Таким его знают сотни миллионов трудящихся людей.

В дни, когда американские империалисты готовили так называемый мирный договор с Японией, Го Мо-жо обращается к японскому народу, к рабочим, крестьянам, молодежи, учащимся, прогрессивной интеллигенции и всем другим патриотам Японии с горячим призывом:

«Я считаю, что ваша родина снова находится в самом критическом положении. Вы должны объединиться, организовать и направить все свои силы для спасения своей родины... Подобно китайскому народу, японский народ трудолюбив, мужествен и любит свое отечество, но японские капиталисты и милитаристы ослепли уже использованием для патриотизма для удовлетворения своей жажды к наживе и привели всю страну к великой катастрофе. Американский империализм сейчас обманывает вашу родину... Хотя мы, китайцы, питаем смертельную ненависть к японским милитаристам и капиталистам, мы по-прежнему дружески относимся к японскому народу».

Многогранна деятельность Го Мо-жо, активного участника строительства Китайской Народной Республики, значительной его заслуги в создании и развитии демократической китайской культуры. В августе 1949 года Го Мо-жо избирается председателем Всекитайской ассоциации работников культуры и литературы и искусства, в октябре того же года, когда создается Народное правительство Китая, его выбирают членом Центрального Народного правительственного совета. Он — заместитель премьера Государственного административного совета, председатель Комитета по делам культуры и просвещения и президент Китайской академии наук.

Всю свою энергию, весь свой талант отдает Го Мо-жо родине. Выступая с до-

кладом на третьей сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета в ноябре 1951 года, Го Мо-жо с гордостью за свой великий народ говорил:

«Патриотизм китайского народа сегодня, безусловно, несравним с патриотизмом в любой другой период в истории Китая потому, что только теперь народ по праву считает себя хозяином своей собственной страны, славяет волею свои интересы с интересами страны и отодвигает интересы человечества с интересами своей страны».

Го Мо-жо является давним другом советского народа. После посещения нашей страны в 1945 году он написал книгу «50 дней в СССР». Он выступает за укрепление дружбы, братского сотрудничества между Советским Союзом и Китаем. «Руководящая роль Советского Союза и великого Сталина в борьбе за мир», — говорит Го Мо-жо, — служит лучшей гарантией мира во всем мире. И мы горды, что являемся друзьями Советского Союза — самого миролюбивого в мире государства. Мы счастливы, что в лице народов Советского Союза имеем истинных друзей, всемерно помогающих нам в строительстве нового Китая».

В сентябре нынешнего года Го Мо-жо выступил на торжественном заседании в Пекине, посвященном вручению международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» г-же Сун Цзин-лин. Он подчеркнул, что высокая награда, которой удостоилась верная дочь китайского народа, является также честью для всего народа. «Это является огромным стимулом», — сказал он, — для г-жи Сун Цзин-лин в ее усилиях, направленных против агрессии, в защиту мира во всем мире, и одновременно является громадным стимулом для всего нашего китайского народа».

Эти слова можно в полной мере отнести ныне и к самому Го Мо-жо. Присуждение высокой награды выдвинуло борцу за мир, награды, носящей имя величайшего человека нашей эпохи, знаменосца мира, вдохновит замечательного китайского патриота на еще более плодотворную деятельность во имя счастья и дружбы народов. Эта награда крепко связывает имя Го Мо-жо с великим движением современности — движением борцов за мир.

Сергей ГЕРАСИМОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА УЧИТСЯ

— Боряков, почему вы не ведете конспекта?
В голосе преподавателя была строгость, выдержка. Соросамидийский «ученик» встал из-за парты и показал свои руки, посылая следы жестоких ожогов.
— В 1945 году в Восточной Пруссии, — сказал он коротко.
— Извините, — смутился в свою очередь педагог, — я не знал...

Кавалер двух орденов Отечественной войны и ордена Трудового Красного Знамени, полученного уже в 1948 году за мирный труд на колхозных полях, Павел Григорьевич Боряков решил сесть на школьную скамью после важного события, происшедшего в жизни колхоза.
21 июня 1950 года сельскохозяйственная артель имени Ворошилова, Девососанского района, объединилась с двумя смежными артелями — имени Калинин и имени Третьего районного съезда Советов. Павел Григорьевич был единогласно избран руководителем вновь созданного мощного хозяйства.

Самые артели выдвинули много важных задач. В укрупненном колхозе всего стало вдвое больше: хозяйств вместо двухсот — четыреста; пашни вместо двух тысяч гектаров — четыре тысячи; скота вместо полутора тысяч голов — три тысячи. Нельзя было механически сложить эти гектары и головы. Надо было создать единый хозяйственный организм, определить взаимосвязь отдельных отраслей хозяйства, предусмотреть перспективы дальнейшего развития.

И вот осенью 1950 года Павел Григорьевич подал заявление на курсы при Усматской школе председателей колхозов. Колхозники отпустили своего председателя неоткуда. Один старик даже сказал: — Чему тебе учиться, Павел Григорьевич, земледелию... ты же и цуцал и похал, только что разве не ел.

— Опустишь и слепые ходят, — возражал Боряков, — а мы должны быть зрячими. Нам надо видеть вдалеке и вглубь. Он не ошибся в своих ожиданиях. Учебная программа кружков, помогающая овладеть новым масштабом работы.

Много дала лекция о научно-экономических основах народного хозяйства. Недонократно читанную раньше речь товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов Боряков проглотил и осмыслил заново. Свыше двадцати лет назад товарищ Сталин в этой речи ярко показал, что наша социалистическая промышленность развивается по теории расширенного воспроизводства, и предназначил этот же путь для коллективного сельского хозяйства.

Боряков знал, что главным условием расширенного социалистического воспроизводства является накопление общественного богатства. Работая председателем колхоза, он всегда заботился о росте невиданных фондов, о широком хозяйственном строительстве, об увеличении поголовья скота.

Здесь, на курсах, ему напомнили, что расширенное воспроизводство невозможно без совершенствования средств производства, а в сельском хозяйстве главное средство производства — земля. Он узнал, что еще основоположник научного социализма Карл Маркс указывал на особое, совершенно оригинальное свойство земли, присущее лишь ей одной: в то время как другие средства производства, например машины, в процессе употребления их изнашиваются, требуют замены, земля при правильном использовании все улучшается.

Правильная постановка земледельца возможна лишь после уничтожения частновладельческих земельных отношений. Таким образом, плодородие — понятие не только естественно-научное, но и социально-экономическое.

Развивая эту мысль, В. И. Ленин блестяще опроверг выдуманный буржуазными учеными «закон» убывающего пло-

О. КРЕТОВА,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

родия. На этой же теоретической базе академик-большевик В. Р. Вильямс построил учение о системе агропроприаций, способных в условиях Советского социалистического государства обеспечить неуклонное нарастание плодородия почвы.

Народ мудр. Он не называл это занятие земледелием, а назвал земледелием. Почву надо делать. И делать именно такую, какая нам нужна. Плодородие не клад, лежащий в запертом сундуке. Нет, создание плодородия — это процесс, который надо упорядочить.

Павел Григорьевич охотно деятельно бесполохотство. Ему не терпелось использовать полученные знания в практической работе.

Каждую субботу он ехал из Усматки сто километров по железной дороге да еще двадцать лошадиными, чтобы на один день окунуться в головную в колхозную жизнь. Рано утром, в воскресенье, когда жена Борякова хлопотала у печки, в комнате появлялись посетители.

Приходили заместители председателя, он же секретарь парторганизации Михаил Васильевич Кучин, сообщал о колхозных делах. Приходил старик Иван Андреевич Кучин, заведующий совхозфермой, и сразу начинал чего-нибудь требовать по своей отрасли. Собирались еще люди. Расспрашивали, рассказывали, спорили.

Надевая валенки, Павел Григорьевич говорил:

— Так-то вот, друзья-товарищи, выходя: почва — это живое тело. Но можно быть живым и чуть теньским. А можно быть плодородным организмом. От нас с вами зависит сделать так, чтобы в нашей почве жизнь была яркой.

Хозяйка ставила на стол миску со сметаной, бжодо с блинами и добродушно ворчала, что прямо не пойдешь — квартира тут у них или агрошкола.

Днем разговор продолжался в правлении.

Боряков рассказывал о сущности травопольной системы.

Он говорил о бактериях-поярках, готовящих пашу для растений, и о бактериях-строителях, скрепляющих комочки земли, создающих прочную структуру. Говорил о корнях многолетних трав, которые несут на себе миллиарды этих невидимых созданий жизни. И еще о том, что корни трав извлекают из глубины и переносят в верхние слои почвы различные полезные вещества.

— Это значит, — добавлял он, — что благодаря травам мы удлиняем свои руки, забираем из земли то, что иначе не могли бы достать.

Тут же принимались практические решения, например: создать свой колхозный фонд семян многолетних трав, для чего отвести под семенники не меньше семи — десяти гектаров люцерны и других трав посева прошлых лет.

По просьбе правления в колхоз имени Ворошилова приехала бригада сотрудников Воронежского института экономики сельского хозяйства. Ученые помогли составить план землеустройства, разработать мероприятия по агрохимии, по механизации в полеводстве и животноводстве, по созданию корковой базы, помогли выработать агрономическую и зоотехническую учебку колхозников.

Возвратился с курсов Боряков в разгар весенних работ.

— Ну как, студент, сдай зачетки? — пошутил тот самый старик, что не хотел отпускать его учиться.

— Главный экзамен тут будет, в колхозе, — очень серьезно отгадал Боряков.

Как-то в осенний день возле конторы колхоза имени Ворошилова остановились два автобуса. Вышедшие из них люди с интересом разглядывали центральную усадьбу колхоза.

Здесь было на что посмотреть. Напротив правления клуб, радиоузел, детские ясли; по другую сторону — электростанция. С крыльца правления спускался к гостям Павел Григорьевич Боряков. Пятьдесят человек слушателей областных курсов председателей колхозов сомкнулись вокруг него кольцом.

— Пойдемте в клуб, — предложил Боряков, — там будет удобней беседовать.

Когда курсанты разместились в зале, он негромко начал:

— Основа нашего производства — земля. Как же мы устроили ее, чтобы дать простор машинам? Что мы делаем, чтобы мобилизовать все жизненные силы земли, повысить почвенное плодородие?

Павел Григорьевич рассказал о разработанных с помощью Института экономики травопольных севооборотах и о том, как они перенесены на массивы укрупненного колхоза. Отметил, что большие размеры полей дали возможность значительно поднять уровень механизации всех сельскохозяйственных работ. Сейчас техника МТС используется не только на пашоте, сева и уборке, но также и для междурядной обработки пропашных культур, для внесения удобрений и при заготовке кормов.

— Похоже, председатель ваш крепко на культуру земледелия налегает, — сказал один из курсантов колхозному конюху Михаилу Васильевичу Пономареву.

— Боряков-то? Он за километр видит, если тракторист мельче двадцати пяти сантиметров пашет.

— За целый километр! Ну, уж это вы, деушпа, перехватили.

— Истинная правда, — наставлял конюх. — Я сам раньше сомневался, а теперь, смерая, гляд — сантиметра три не хватает. Спрашиваю его: «Как это вы, Павел Григорьевич, узнали?» Он говорит: «Если глубина правильная, то прет у пашки один, а если мельче, то отяеток не такой и солома кое-где пробредкаивает».

Старик пригнулся, укладкой скрутил шарку.

— А слышали бы вы, как он сеялки-шпоки отчитывает, если где ряд скривлен: «По такому ряду могут пройти только те тачки да женские пятки, а нам надо, чтобы культиваторы прошли. Нам пошла механизация нужна».

Заговорили о животноводстве, об этом втором важнейшем пехе сельского хозяйства, который, перерабатывая отходы полеводства, выдает взамен этого «сырья» ценную продукцию да еще снабжает пех полеводства удобрениями.

Боряков рассказывал, что колхоз имени Ворошилова уже не первый год серьезно занимается животноводством. Еще до укрупнения пшо строительство типовых коровников и свинарников, увеличилось количество скота. Слияние трех артелей позволило наиболее целесообразно разместить фермы.

Концентрация денежных средств дала возможность еще быстрее повести капитальное строительство животноводческих помещений, перейти к механизации трудоемких работ, купить племенную скот.

— Сколько же стоит все наше «живое и недвижимое»? — поинтересовались гости.

— Около четырех миллионов.

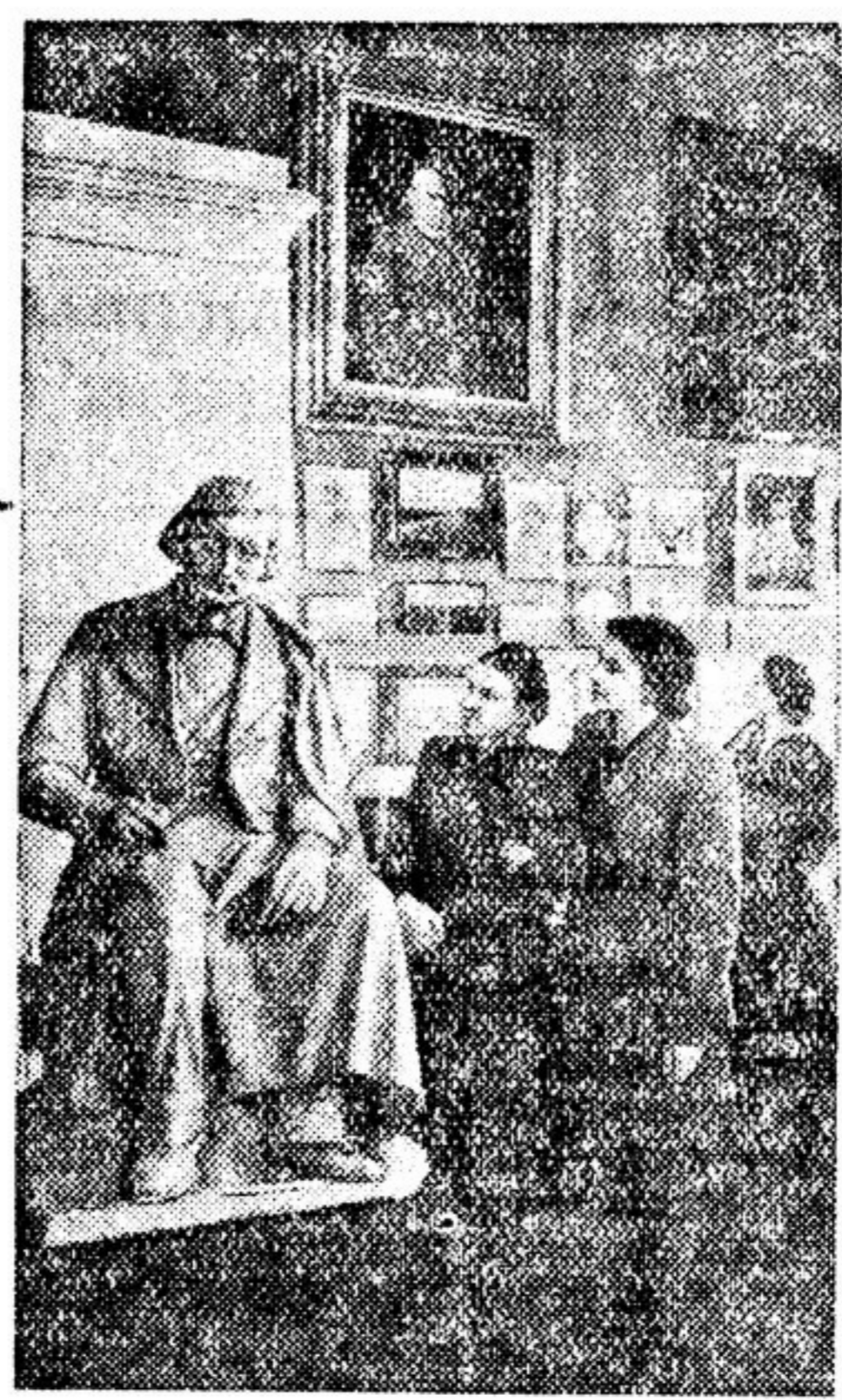
— А головой доход?

— Переваляла за миллион.

— Богато живет!

— Того и нам всем жееаем, — сказал Павел Григорьевич Боряков, поджимая протрутые его руки.

ВОРОНЕЖ

В Литературном музее Академии наук СССР (Ленинград) сосредоточены обширные материалы, характеризующие эпоху и творчество Н. В. Гоголя. На снимке: посетители в Гоголевском зале музея. Фото И. КАРАВАЕВА

Областное совещание молодых авторов

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателя имени В. В. Маяковского открылось 3-е областное совещание молодых авторов, организованное обкомом ВЛКСМ Ленинградским отделением Союза советских писателей.

На совещании присутствуют около 140 человек: рабочая молодежь, студенты, военнослужащие, журналисты, инструкторы Кировского завода, «Скорострой» и «Электрострой». Около 20 молодых писателей приехали из Тихвина, Волхова, Новой Ладоги, Тосно. У одних это первые книги — их можно видеть на небольшой выставке в клубном фойе; другие печатали свои рассказы, очерки и стихи в журнале «Звезда», в ленинградских и районных газетах, заводских многотиражках.

В первый день участники совещания прослушали два доклада — главного редактора «Звезды» В. Дружина о советской литературе на современном этапе и В. Воинова о произведениях молодых ленинградских авторов.

Лауреат Сталинской премии Н. Никитин поделился с молодежью опытом работы над романом «Северная Аврора».

Вечером состоялась встреча с группой ленинградских композиторов.

Начали работать семинары по прозе, поэзии, драматургии и сатире. Совещание продлится четыре дня.

Издания 1952 года

РИГА. (Наш корр.). В будущем году Латвийское государственное издательство выпустит ряд новых книг писателей Советской Латвии: романы А. Саксе «Искры в ночи», В. Ланса «Потерянная ролина», Я. Гранта «За нами Москва», А. Бродеца «Счастья Ивиза». Поэзия будет представлена сборником Я. Судрабалина «Избранное», книгой В. Луска «Волото голуба», большой антологией латышской поэзии.

На русском языке будут изданы произведения Я. Райниса, А. Упита, А. Саксе, Э. Биричюка-Уинта, А. Бродеца и других писателей.

Большое количество книг получат юные читатели — повесть А. Григуласа «Пограничник, мальчики и собака», рассказы Ж. Гривы, Ю. Вайля, И. Леманиса и другие.

В 1952 году трудящиеся Латвия прочтут на родном языке «Добавка В. Горбачева, «Свет над землей» В. Бабаевского, «Аленький цветочек» Н. Залорюнас в ряд произведений выдающихся писателей стран народной демократии.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Почему ухудшились изделия фабрики «Светоч»

Рабочий, колхозник, ученый, студент, инженер, техник, школьник, писатель — все нуждается в хорошей общей тетради, блокноте, записной книжке, в хороших конвертах и почтовой бумаге.

Производством этих изделий в числе других предприятий занимается ленинградская фабрика «Светоч» Министерства местной промышленности РСФСР.

Советские люди ценят продукцию фабрики и лают о ней хорошие отзывы.

Однако за последние годы внешний вид изделий, выпускаемых фабрикой, становится все менее и менее привлекательным. Выпават ли в этом коллективе предприятия? Нет. Усилия коллектива налаживания качества на такие препятствия, которые собственными силами невозможно преодолеть.

Для того, чтобы сделать общую тетрадь, блокнот, записную книжку или альбом, нужны бумага, переплетные и текстильные материалы, фольга, краски, марля, тесьма, ленты и другие материалы. С 1948 года производственная программа фабрики увеличилась на 22 процента, а фонды, партия на переплетные ткани (делеран, гранитоль, колембор), сократилась наполовину.

Фабрике приходится самой изыскивать недостающие ей материалы и заключать договоры на поставку продукции. Крупнейшая в стране фабрика поставлена в полную зависимость от каждого отдельного тора.

Советский потребитель закономерно требует прочных и красивых переплетов. А изделия с хорошими переплетами фабрика выпускает мало. Мы вынуждены изготавливать

переплеты из различных заменителей шпона качества.

Производство так называемых белых изделий является одной из отраслей полиграфической промышленности. После войны наша полиграфия получила и получила новейшее оборудование. Освоены новые конструкции машин, станков, приспособлений; совершенствуются старые и разрабатываются новые технологические процессы. Однако в области производства белых изделий попрежнему процветает кустарщина. Трудоемкое производство приводит к удорожанию продукции.

Почему Главолиграфизм, его конструкторское бюро и научно-исследовательский институт не работают над механизацией наиболее трудоемких процессов в производстве белых изделий?

Наши предприятия нуждаются в машинах, которые механизировали бы раскрой картона, тисней и фольгочные листы, изготовление крышек для переплета, вставку сшитых листов (блоков) в переплет, проклейку форзаца и др. Такие машины выпускаются для книжных типографий. Конструкторам потребуются очень немного труда для приспособления этих машин к производству белых изделий.

Министерство местной промышленности РСФСР, в ведении которого находится большинство таких предприятий, прекращает о них заботу, недостаточно интересуется ими, не заботится о них.

Пора обратить внимание на производство белых изделий. Этого требует советский потребитель.

Н. НОВИКОВ,
секретарь партбюро фабрики «Светоч»
ЛЕНИНГРАД

О типографиях-карлика

Необходимость укрупнения мелких типографий очевидна для всех. Вопрос об их укрупнении мы ставили перед Главолиграфизмом еще в начале 1949 года. В письме начальнику Главолиграфизма тов. Л. Грачеву мы писали, что в Поволжье, помимо хорошо оборудованной типографии издательства газеты «Знамя коммуны», есть еще типографии разного масштаба, комбина типа Крупской и другие.

Мы указывали, что все эти три типографии не имеют норм выработки и устанавливают зарплату рабочим произвольно, мы предлагали слить мелкие предприятия в нашей типографии. Нам ответили, что вопрос будет решен.

Нужен учебник по детской литературе

Я учусь в библиотечном техникуме. Его назначение — подготовка работников детских библиотек. По преподаванию советской детской литературы усложнено отсутствием учебника. Есть ряд хрестоматий по детской литературе, но этого мало. Комитет по делам культурпросветууж-

В 1950 году мы вторично напомнили о нашей просьбе тов. Л. Грачеву и сообщали ему, что типография комбина типа Крупской и ее оборудование лежит неиспользуемым и что Политтехнический институт открыл еще одну типографию,halbности в которой нет. Девята не последовало.

Когда же, наконец, наши типографии будут превращены в предприятия действующей промышленности типа? Когда же в полиграфии будет покончено с кустарщиной?

Н. БОГДАНОВ,
заведующий издательством
«Знамя коммуны»
НОВОЧЕРКАССК

В. СКЛЯРОВ,
студент техникума
РОСТОВ-НА-ДОНУ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«КОГДА ОКОНЧЕНА СМЕНА»

Очерк К. Косинского, опубликованный под таким названием в № 112 «Литературной газеты», рассказывал о молодых строителях Волго-Дона, об их самоотверженном труде и о том, что замечательная молодежь зачастую не имеет возможности интересно, с пользой провести свой досуг.

Председатель строительного управления Шмидта Ю. Антонов, что президиум строительного комитета, обсудив очерк «Когда окончена смена», признал критику правильной и принял меры к улучшению культурного обслуживания строителей.

Решено организовать демонстрацию кинофильмов днем и вечером в центральном клубе, на шлюзах и в поселке Кушники создать группы агитаторов, которые будут выступать перед кинозрителями, проводить беседы в объективах. При каждом клубе намечено оборудовать читальни, комнаты отдыха.

Планируются доклады о достижениях передовых станочников, о наилучшем использовании механизмов, и т. д. Президиум строительного комитета одобрил оргбюро спортивного общества «Труда» разработать план развертывания физкультурной работы.

Шульги от жизни пришло к роковым последствиям.

По-инному объяснена теперь и судьба Валько. Он попадает в застенки гестапо не по собственному безрасурству и нерасчетливости поведения, а в результате тех массовых предупредительных арестов советских людей, которые предпринимали фашисты, стремясь обезопасить свое временное господство.

Эти поправки, внесенные писателем в первоначальный текст романа, а главное, широко развернутое, непосредственное изображение характеров таких партийных руководителей, как Лютиков и Проненко, и их многогранной деятельности, ставят в подполье коммунистов и такие люди с их достоинствами, с их ошибками и, наконец, с их неслыханным мужеством перед лицом смерти. Такое мужество не позволяет оправдывать ошибку этих людей, но дает право помнить их честные имена.

Внесен автором изменения и в характер некоторых молодых героев. Образ Олега Косового не просто дополнен новыми черточками и свойствами характера, но существенно изменен. Раньше, представляя деятельность «Молодой гвардии» в качестве чуть ли не единственного в Краснодоне оплота борьбы советских людей с силами фашизма, Фадеев несколько порывал облику Олега несвойственные ему черты преждевременной зрелости.

В новом издании романа, включив в повествование некоторые новые сцены, Фадеев стремится дать в Олге соединение юношеского непосредственности с развивающимся практическим опытом участника борьбы, которого направляют старшие руководители и который сам постоянно обращается к опыту старших, проверяет себя в свете этого опыта. Новая и очень важная сцена романа — встреча Олега с Лютиковым — определяет характер и направление деятельности молодых борцов. Готовность Олега к борьбе и вместе с тем еще его неискренность, неопытность хорошо образованы в том эпизоде, где Олег принимает личное участие в раскладке истопки. Думается, что, внося изменения в образ Олега, Фадеев руководствовался гла-

бюто верным стремлением максимально приблизиться к жизненной правде и преодолеть ту условность, которой в известной мере был отмечен раньше образ Косового.

Теперь повит молодого героя не называется, как зveno объективной борьбы советских людей с фашизмом. Фадеев показывает, как еще до развертывания деятельности «Молодой гвардии» жители Краснодона имели возможность убедиться, что с приходом немцев борьба не прекратилась, что партия живет и действует, что приняты, с которыми сроднились советские люди, живя в чистой атмосфере социалистических отношений, — неурными, что дело партии Ленина — Сталина бессмертно. Изображение фронта борцов в новом издании романа «Молодая гвардия» стало куда шире сравнительно с первой редакцией. И показ этого широкого фронта борьбы, разумеется, не только не в чем не умалял звучания подвига молодогвардейцев, а, напротив, подчеркнул жизненную силу их героизма — преданность этому подвигу черты той нормы поведения, которая жеежала в основе деятельности бесчисленных советских патриотов.

Бывают книги, рожающие в душе много непосредственных чувств, но не рожающие или почти не рожающие мысли. Это книги с методически выстроенными деталями жизни и с зорко высмотренными чертами людских характеров, но без полета мысли, вслушавшейся за собой читателя.

Бывают, напротив, книги, заставляющие думать над той умной остротой, что дал автор всему увиденному им, но за этой умной остротой в книге не будет человеческая страсть, и сердце читателя останется незатроутым умным, но холодным блеском такой книги.

По есть счастливые книги, где труп ума сочетается с горением сердца, где не сразу разбираешь, чего тут больше, а потом понимаешь, что в том-то и секрет такой книги, что в ней не отделишь ум от сердца и сердце от ума.

В таком смысле принадлежит «Молодая гвардия», которую переиздать в ее новом, обогащенном виде получила читатель.

Вот ты прочел книгу и пробуешь разобраться в своих мыслях. О чем ты думаешь? Пожалуй, прежде всего о будущем. За это будущее погнали герои книги. Об этом будущем думали они в по-

«Молодая гвардия»

1. Когда закрываешь последнюю страницу романа «Молодая гвардия» в новом, дополненном и переработанном издании, то испытываешь чувство душевной благодарности к писателю Александру Фадееву, закончившему труд над одной из самых благородных и поэтических книг о днях Великой Отечественной войны.

Четыре года назад наша партийная печать критиковала серьезные недостатки книги «Молодая гвардия», и первый и главный из них — то, что «из романа вышло самое главное, что характеризует жизнь, рост, работу комсомола, — это руководящая, воспитательная роль партии, партийной организации» («Правда»).

Если в первом варианте романа автор отступал от жизненной правды, когда неверно, одностронне показывал деятелей большевистского подполья, методы их работы, то теперь, органически введя в роман новые сцены и образы, раскрывающие, как «организаторская работа партии соединила всею и направляет к общей цели все усилия советских людей, подчинив все наши силы и средства делу разгрома врага» (Сталин), писатель достигает большой жизненной правды. Если в первом варианте романа, из-за отсутствия полного и цельного изображения направляющей деятельности партии, Фадеев несколько придал образам своих героев-молодогвардейцев черты некоторой исключительности, то теперь выросла реалистическая сила образов молодых героев, а героическая деятельность «Молодой гвардии» раскрывается в широкой исторической перспективе, в своих многих и крепких связях с общенародной борьбой против фашистов, борьбой, направляемой волей в разумом партии.

Читая новое издание, воспринимаешь роман как полную, слиянием выданным написанную книгу. Это ощущение цельности и единства романа.

А. Фадеев «Молодая гвардия». Роман. Дополненное и переработанное издание. Издательство «Молодая гвардия», 1951 г., стр. 692.

К. СИМОНОВ

сти является лучшим доказательством глубокой справедливости критики, адресованной в свое время роману. Но эта цельность романа и есть результат приятного писателем критике, его творческого возвращения к материалу жизни, легшему в основу книги, нового, несравненно более глубокого изучения этого материала и последующего затем большого писательского труда.

Трудно представить себе сейчас роман «Молодая гвардия» без его новой третьей главы со сценой, где уходившие в армию товарищи прощаются с Иваном Федоровичем Проненко, оставшимся руководителем подполья, сцены, где видно, как много опыта, ума, организационного таланта вкладывают большевики в подготовку будущего подполья.

В такой же мере трудно представить себе роман без новых глав о Лютикове, о его работе в Центральном мастерском, о его многостороннем влиянии на самые разные формы борьбы советских патриотов с захватчиками, борьбы, где деятельностью «Молодой гвардии» — лишь оля из ручейков, сливающихся в мощную реку.

Трудно представить себе, что тот Лютиков, который теперь так разнообразно и полно показан в романе, — человек нежной нравственной силы, подпольный с большим размахом в превосходных способностях, раньше проходил через роман, как благородная, самиятинная, по все же антологическая фигура, как оля из первых жертв, а не как оля из центральных лиц и центральных пружи всех действия.

Человек большого жизненного опыта, Лютиков вступил в ряды партии еще по ленинскому призыву. Он, как показывает Фадеев, принадлежит к тому типу руководителей, основной потребностью которых является дело воспитания людей. На какой бы работе ни был Лютиков, куда бы ни направляла его партия, он, организатор и руководитель, умеет претворяющий

слово в дело, всегда выступал воспитателем. Это качество характера Лютикова и было решающим для того, чтобы именно такой человек в дни фашистской оккупации стал в своем районе оля из руководителей большевистского подполья. В ряде новых сцен романа Фадеев показывает, как неотуменно и с каким тактом Лютиков осуществлял партийное руководство борьбой, как воспитывался он борцов, ставя ясные цели, подкачивая средства и методы борьбы.

С образом Лютикова в роман входит не только новый жизненный материал — изображение разносторонней, продуманной, строго спланируемой системы действий партийного подполья, — но и заново написанный, цельный, богатый человеческий характер.

Лютиков — большевик, действующий неотуменно и целесообразно в исключительных трудных условиях. Уже оля то, что Лютиков, чтобы легализировать свое положение при немцах, обязан итти работать в Центральные мастерские, уже этот факт сам по себе осложняет его жизнь и поужаает быть всегда собранным, каждый свой шаг обдумывать и сопереживать с лядением к главной цели. И Фадеев с большой художественной точностью подчеркивает эту собранность своего героя, эту строгую продуманность всех его поступков.

Иль только, что в явном противоречии со всем этим правильным образом находится та речь, которую теперь во второй редакции романа произносит Лютиков, выданный на вопрос к фельдкоменданту Блеру. Эта речь была раньше неестественна в устах Олега Косового, она осталась почти такой же неестественной в явных обстоятельствах и в устах Лютикова.

Рядом с Лютиковым в романе стоит Иван Федорович Проненко. Будучи руководителем партизанской борьбы, Проненко во многих и разных жизненных обстоятельствах проявляет присутствие ему душевную щедрость, богатство своей натуры, силу характера. В образе Проненко главное — это оптимистическая, опирающаяся на глубокое знание советской жизни и советских людей, деятельная, страстная убежденность в победе, харк-

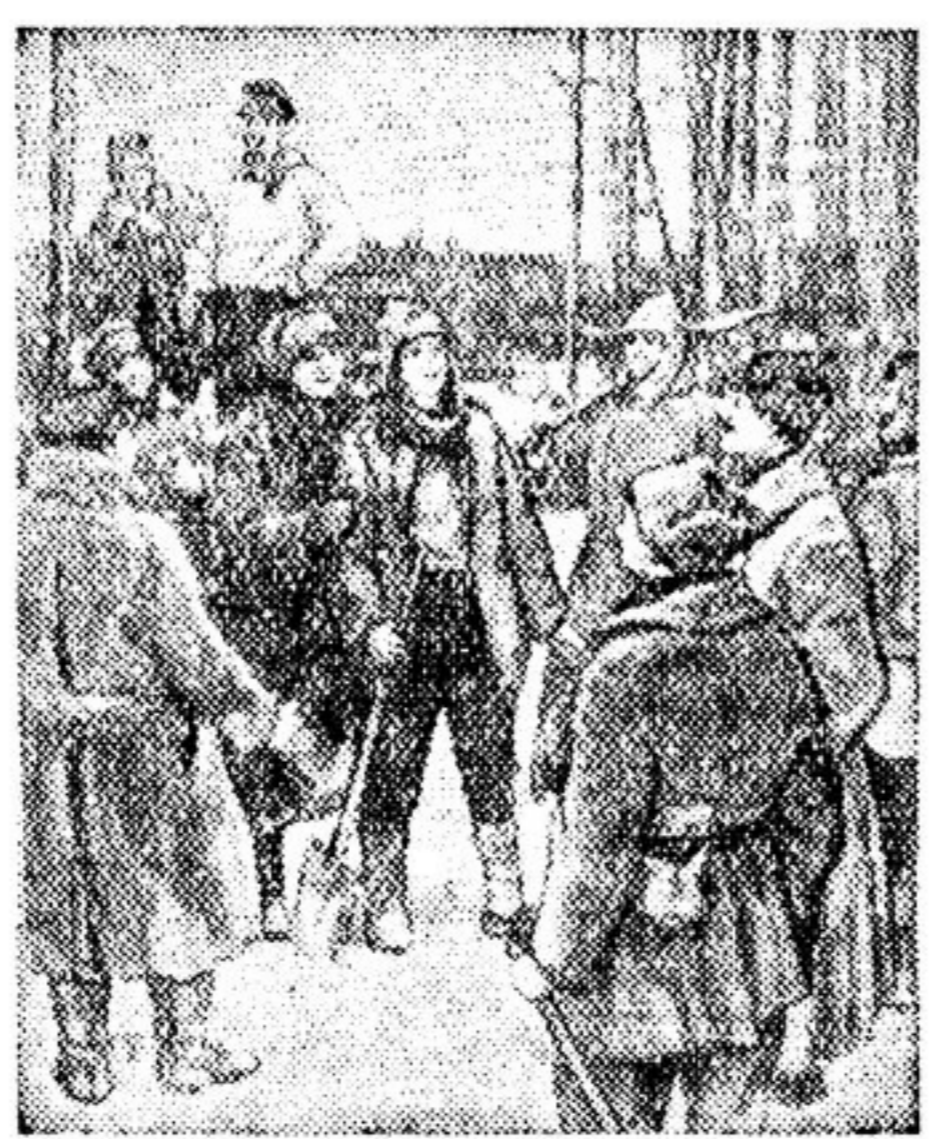

В издательстве «Молодая гвардия» в ближайшее время выходят одноименные произведения Николая Островского, включившие романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

В печати находится и двухтомное собрание сочинений писателя, в которое войдут не только романы, но и избранные статьи, письма и речи. Оба издания иллюстрированы рисунками украинского художника, лауреата Сталинской премии А. Резниченко.

Над иллюстрированием произведений Николая Островского работает немало советских художников. В частности, для нового издания книги «Как закалялась сталь» подготовленной к печати издательством «Молодая гвардия», делает иллюстрации художник В. Минаев. Некоторые из них экспонированы на открывшейся на днях Всесоюзной художественной выставке 1951 года.

На фото: два рисунка художника В. Минаева к роману «Как закалялась сталь».

Критики периферийные и московские

Великий поэт нашей эпохи В. Маяковский, рисуя в одной из своих пьес общество будущего и перечисляя газетные, которые будут, по его мнению, выходить в то время, называл пути и «Армийский литературный понедельник».

А. КОСТАНОВ

Творчество писателей края и областей развивается так быстро, что, право же, литературная газета Новосибирска или Ростова, Свердловска или Сталинграда в свое время станет вполне реальной необходимостью.

И в самом деле, сегодня советский читатель называет немало имен писателей, живущих в краях и областях, — С. Бабаревского и Г. Николаева, А. Володина и М. Соколова, К. Седых и В. Заруктлина, И. Ливанова и И. Васильева, и многих других. Их творчество давно вышло за границы тех областей, где они проживают, оно прочно вошло в общий фонд советской литературы.

Однако нам предстоит совершенно иная картина, когда мы обратимся к критикам. За последние годы в первые ряды мастеров советской литературы выдвинулось не менее двадцати областных писателей, но мы не узнали ни одного (буквально, ни одного!) имени местного критика, работы которого приобрели бы сколько-нибудь широкую известность.

Ли одной работы, ни одного имени! Невольно возникает вопрос: почему же так происходит?

Думается, что здесь есть несколько серьезных причин. Первая и главная из них заключается, конечно, в том, что наши критики еще не осознали всю меру ответственности за свое дело, мало работают над повышением своего идейного уровня и профессионального мастерства.

Большинство периферийных критиков, выступивших на трудовое поприще критики, недостаточно углубленно работают над своими статьями и рецензиями, легко становятся на путь дилетанства, любительщины.

Выбирая наиболее легкий и, как некоторым кажется, наиболее «безопасный» путь написания небольших газетных рецензий, критики не пытаются писать проблемные статьи. Немудрено поэтому, что даже на страницах альманахов, издающихся такими крупными писательскими организациями, какими являются Новосибирская, Ростовская, Свердловская, Саратовская и другие, читатель почти не найдет серьезных критических работ, в которых бы делались попытки осветить проблемы советской литературы, проанализировать пути ее развития.

Почти нет таких статей и на страницах старшего периферийного литературного журнала «Сибирские огни», где отдел критики и библиографии поставлен сравнительно лучше, чем в остальных местных изданиях.

Даже относительно хорошим критическим статьям, опубликованным в альманахах, присущ серьезный недостаток. Авторы подходят к творчеству местных писателей узкообластничеству.

Вот, например, в вышедшей недавно тринадцатой книге «Литературного Саратова» напечатана большая критическая статья О. Ильина, посвященная анализу творчества саратовского поэта В. Озерного. У критика немало интересных, метких замечаний о стихах поэта, о несомненных его достижениях. О. Ильин отмечает и некоторые налет эстетской созерцательности, языковые погрешности и другие недочеты, которые мешают поэтическому росту В. Озерного. Но, положительно оценивая статью О. Ильина, мы, конечно, не можем простить автору того, что творчество В. Озерного рассматривается обособленно, так, как будто оно существует в каком-то «безвоздушном пространстве», вне влияния лучших мастеров советской

поэзии, плодотворных традиций Маяковского.

К сожалению, О. Ильин не является исключением. Такие же просчеты можно найти почти во всех статьях, напечатанных в альманахах «Дон», «Литературный Воронеж», «Уральский современник» и других.

Неизвестно, каким образом у некоторых редакторов и работников местных издательств укоренилось представление, будто в статье об областном авторе не должно быть широкой постановки вопроса, стремления осветить творчество местного писателя в общей связи с развитием советской литературы.

Так, в Ростовском областном издательстве редактор И. Кацеская, ссылаясь на опасность «ухода от основной темы», обычно вычеркивает в работах местных критиков все, что говорит о малейшей попытке связать анализ творчества писателя с общими проблемами советской литературы.

Некоторые из периферийных критиков выдают в другую крайность: они ничего не говорят о местных, зато широко известны писателях и поэтах, считая, очевидно, что это было бы достаточно «кадаемично».

Во второй книге «Литературного Воронежа» за 1951 год помещена большая статья А. Абрамова «Трагедия Маяковского в советской поэзии». У автора статьи интересные и меткие наблюдения над творчеством А. Твардовского, К. Симонова, М. Исаковского, С. Шинкаева в связи с проблемой преемственности традиций Маяковского. Однако он ни словом не обмолвился о творчестве воронежских поэтов.

Автор живой литературно-публицистической статьи «О самом ценном и прекрасном» И. Сотников («Сибирские огни») говорит о произведениях советской литературы, посвященных раскрытию темы труда. Но он также обходит молчанием (исключением сделано только для А. Володина) книги местных писателей, и даже таких широко известных, как Сибиряк А. Коженин, С. Коженин, уральск. К. Мурзин, роман которого на производственную тему печатался в «Сибирских огнях».

Это пренебрежительное равнодушие к творчеству писателей-земляков еще чаще можно наблюдать у местных литературоведов. Некоторые из них до сих пор считают, что изучение творчества «областных» писателей — дело местничества, «провинциальное». По худшим видом провинциализма как раз и является это, изучение от старых времен пренебрежение к жизни родного края, к судьбе его славных сынов!

Характерно, что в сборниках научных трудов, выпускаемых областными институтами, крайне редко печатаются статьи о крупных писателях областей. Ни один из членов кафедр русской литературы Ростовского педагогического университета не пожелал включить в план своей работы на ближайшее пятилетие ни одной темы, посвященной творчеству писателей-земляков. Примерно такое же положение и в Ростовском университете, научные сотрудники которого не выпустили до сих пор ни одного труда, посвященного творчеству таких больших мастеров советской литературы, как М. Шолохов, А. Серафимович, К. Тренев.

Говоря о неудовлетворительной работе периферийных критиков, нельзя не заметить, что в этом повинны, конечно, и московские критики.

Мы не обидимся, если скажем, что московские критики не оказывают помощи периферийным, не проявляют почти ни-

какой заинтересованности и их росте и выживании.

В московских литературных журналах установлено строгое и несоблюдяемое правило — можно и должно работать над улучшением рукописи прозаика или поэта, но только не критика. Редакция этих журналов считает, что критик обязан прийти к ним уже в «готовом» виде, и если статья местного критика требует доработки, то ее быстро и с легкой душой отвергают.

В критико-библиографических отделах московских журналов почти нет статей, в которых рассматривались и оценивались бы работы критиков. Даже в немногочисленных обзорных статьях, посвященных областным альманахам, о критических статьях, напечатанных в них, либо вовсе не пишут, либо отходятся от одной-двух ничтожных говорящих строк.

Специальное «пренебрежение» здесь прочно удерживает редакция журнала «Знамя», которая в 24 номерах за два последних года поместила только две (!) статьи о журналах и альманахах, выходящих на местах. А ведь одним альманахов-то больше 30!

Примером пренебрежительного и равнодушного отношения к работе местных критиков является поверхностный обзор К. Руткиной «Знамя», 1950 г., № 8), которая умудрилась в небольшой статье «обозреть» 5 номеров альманаха «Дон» и по одной книге «Волжского альманаха», «Литературного Донбасса» и «Литературного Воронежа». В обзоре даже не упомянуты критические отделы этих альманахов.

Журнал «Октябрь» за последние два года поместил четыре статьи о периферийных альманахах. Две из них посвящены альманаху «Прикавказье» и в обеих ничего не сказано о критике. На мой взгляд, принципиально важно появление на страницах журнала «Новый мир» статьи поэта М. Исаковского — далеко не бесспорной по содержанию, — в которой он внимательно разбирает работу местного критика Ф. Самарина, напечатанную в «Пензенском альманахе». К сожалению, это пока единственный случай.

Решительной помощи не оказывают периферийным критикам и комиссия по критике и теории литературы Союза писателей.

Во взаимоотношениях между критиками московскими и периферийными нужен решительный перелом. Тесная творческая связь москвичей и местных критиков может и должна стать общими полевой.

Коренным образом следует перестроить работу комиссии по критике и теории литературы Союза писателей. Необходимо руководству этой комиссии и ее членам серьезно познакомиться с работой наиболее способных периферийных критиков, систематически устраивать обсуждения их наиболее значительных работ в Москве или на местах.

Равнодушию редакций толстых журналов к местным литературоведом и критикам необходимо положить предел.

А. А. Жданов на дискуссию по книге Г. Александрова говорил: «Институт философии, по-моему, представляет довольно безотрадную картину; он не объединяет работников периферии, не связан с ними, а потому не является на деле учреждением осязаемого характера. Провинциальные философы предоставлены самим себе, а они представляют, как видите, большую силу; к сожалению, бесподобную».

Думается, что эти слова мы вправе в полной мере отнести и к провинциальным критикам и столичным журналам.

Во многих краях и областях нашей необъятной Родины можно найти способных критиков. Надо только эти силы выявлять лучше, значительно лучше организовывать и воспитывать.

РОСТОВ-НА-ДОНУ

БЕЗДЕЙСТВУЮЩАЯ КОМИССИЯ

Развитие теории литературы и литературной критики — кровное дело Союза советских писателей. Эту важную задачу призваны решать секретариат союза, печатные органы, творческие секции.

Но, кроме того, в Союзе советских писателей есть организация, прямой и непосредственной задачей которой являются разработка теоретических вопросов социалистического реализма, организация литературно-критической деятельности писателей и критиков, изучение и обобщение опыта советских литераторов. Речь идет о комиссии по теории литературы и критике.

В уставе Союза советских писателей записано, что одной из задач союза является «дальнейшая теоретическая разработка проблем социалистического реализма» и что решается эта задача «созданием специальной научной литературы, постановкой научных докладов, дискуссий, конкретным изучением творчества писателей и критическим разбором их произведений».

Очевидно, что вместе с творческими секциями эту важную задачу должна решать комиссия по теории литературы и критике, которая является первым помощником секретариата в постановке и изучении вопросов теории и критики.

Что же представляет собой комиссия по теории литературы и критике Союза советских писателей, в чем состояла ее деятельность в истекшем 1951 году?

Факты показывают, что комиссия эта выдает жалкое существование, что она не выполняет своих прямых задач, хотя непосредственное наблюдение за ее работой возлагалось на А. Фадеева и А. Сурькова. Основная задача комиссии состоит в том, чтобы выдвигать важнейшие, наиболее актуальные вопросы теории и организации работы литераторов на наиболее плодотворное решение этих вопросов. Это можно сделать лишь в том случае, если комиссия будет крепко связана с творческими секциями Союза советских писателей. Однако комиссия по теории литературы и критике не связана с творческими секциями.

Важная задача комиссии заключается в том, чтобы решать вопросы теории и критики совместно с печатными органами Союза советских писателей. Но и с литературными журналами комиссия не сумела установить деловой связи. Дело ограничивается тем, что члены комиссии оповещают редакцию журналов о предстоящих заседаниях и легко мирятся с тем, что редакторы в члены редколлегии не приходят на эти заседания.

Комиссия по теории литературы и критике существует при Союзе советских писателей, следовательно, в поле ее зрения должна быть работа критиков не только Москвы, но и периферии. Между тем комиссия не знает о том, как работают литераторы в краях, областях и республиках. Впрочем, не многим лучше и ее связь с

московскими критиками. Так, комиссия попросту неизвестно, чем занимаются около сорока критиков-москвичей, членов Союза писателей.

Замкнутость, отгороженность от литературной жизни страны — вот что характеризует комиссию по теории литературы и критике.

Комиссия обсудила статью В. Шербины «За правдивое освещение творчества В. Маяковского», опубликованную в «Правде»; приняла участие в работе 2-го Всесоюзного совещания молодых писателей и творческих конференций писателей Юга; участвовала в обсуждении критических работ во время недавней декады уральской литературы и искусства; обсудила новые монографические книги, посвященные советским писателям; обсудила работы, выдаваемые на соискание Сталинской премии.

Большинство этих обсуждений прошло на низком теоретическом уровне. Достаточно сказать, что комиссия ухитрилась в один вечер обсудить семь монографий о советских писателях. Естественно, что в результате такого обсуждения не были выявлены конкретные достоинства и недостатки новых книг, не была решена и весьма важная проблема типа монографической работы. Следует отметить, что на заседаниях редко собирающейся комиссии, как правило, отсутствуют многие критики, давно и плодотворно работающие в литературе.

Коренные вопросы теории социалистического реализма и основные явления советской литературы 1951 года остались вне поля зрения комиссии по теории литературы и критике. Между тем, если посмотреть многочисленные либо дублирующие, либо отменяющие друг друга планы работы комиссии, то в них можно найти немало важных проблем советской литературы, которые намеревалась решать комиссия.

Так, предполагалось изучить вопрос о языке художественной литературы в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, организовать обзоры вышедших статей и определить дальнейшие задачи печатных органов ЦСП в этой области. Комиссия намеревалась изучить вопрос о том, как разрабатываются проблемы социалистического реализма, художественного мастерства в толстых журналах и «Литературной газете». В планах значатся также вопросы, как «Проблема революционной романтики в советской литературе», «Многообразие творческих направлений в современной советской литературе», «Новые конфликты в произведениях современной советской литературы», «Проблема национальной формы в литературе». Комиссия предполагала обсудить новые книги о Маяковском, совместно с творческими секциями обсудить произведения о великих строках коммунизма, провести совместно с комиссией по работе с русскими писателями краев, областей и республик совет-

ские писатели Урала по вопросам литературной критики и многое другое...

Все это осталось на бумаге. Вопросы теории комиссия не занималась. То новое, что волновало и волнует советских литераторов, проходило часто вне внимания комиссии. Достаточно сказать, что комиссия по теории литературы и критике никак не реагировала на такое важное событие в нашей литературной жизни, как статья в «Правде» — «Против идеологических извращений в литературе».

Причины неудовлетворительной работы комиссии состоят в том, прежде всего, что секретариат и правление Союза писателей, по существу, не занимаются деятельностью комиссии и передовали руководство ею самим работникам комиссии. Неправильное отношение секретариата и правления к работе комиссии отражает недостаточную заинтересованность руководства Союза писателей в развитии теории.

Секретариат Союза писателей, секретарь правления А. Софронов не сумел укомплектовать комиссию квалифицированными кадрами. В феврале этого года секретариат ЦСП, объединив комиссию по теории литературы и критике с комиссией по печатным органам, утвердил ее председателем Н. Маслина, который безответственно отнесся к порученному делу и несколько месяцев назад был освобожден от работы. Кажется бы, следовало извлечь серьезный урок из этого и приложить все усилия к тому, чтобы укомплектовать комиссию теоретически подготовленными действительными работниками. Однако до сих пор в комиссии нет председателя, одного заместителя председателя и двух консультантов.

Беззаботность, проявленная секретариатом ЦСП в подборе кадров комиссии, несомненно, отрицательно повлияла на состояние теоретической работы в Союзе писателей. Но дело не только в этом. Члены секретариата и правления ЦСП не пытаются создать вокруг комиссии общественный актив писателей и критиков, без которого немалая полиция творческая работа. Еще в 1949 году секретариат утвердил состав комиссии, в которую вошли многие опытные критики. Однако они в работе не привлекаются, и комиссия превратилась в маленькую группу, состоящую из нескольких штатных работников, ограничивших свою деятельность подготовкой текстов или иных материалов для секретариата.

Большие задачи, стоящие перед Союзом советских писателей в области теории социалистического реализма, в области развития литературной критики, настоятельно требуют, чтобы секретариат союза уделял особое внимание работе комиссии по критике, принял решительные меры к тому, чтобы в наступающем году она решительно улучшила свою работу.

А. АНАСТАСЬЕВ

сладкие часы перед смертью. Ради этого будущего они среди страшного зла фашистского оккупанта совершали множество поступков, почти каждый из которых грозил смертью, то есть невозможностью самим увидеть будущее. Однако они все же совершали эти поступки, потому что их мысли о будущем — о коммунизме — были неразрывны с коммунистическим характером их деятельности, с новым пониманием личного счастья, как счастья выполнять общественный долг.

И здесь же рядом рождается вторая мысль — о высоте идеалов советских людей, и при том самых разных людей — будь то комсомолец Олег Кошевой, беспартийная Маша Шубина, или руководитель колхозного района Лютиков. Как не почитать как о небывалой силе примера для всего человечества, заложившей во всей деятельности советских людей и в дни мира и в дни войны, в дни счастья и в дни испытаний! К гордости советской литературы, эта сила примера заложена и во всех тех книгах, что правдиво и талантливо рассказывают о деятельности советских людей.

Об этом думает, вспоминая многие сцены «Молодой гвардии», в частности, ее последние трагические главы. Несколько десятков советских юношей и девушек живут в тюрьме, подвергаясь пыткам, в преддверии казни. Кажется бы, нельзя придумать другие условия, более способные разобщать людей, чем эти, когда у каждого — свое горе, своя боль, своя мысль о смерти. Но писатель показывает, что советские юноши и девушки в этих предельно разобщающих условиях остаются солидарными. И дело не в том, что тюрьма без одиночных камер и они сидят вместе, а в том, что они вместе думают, вместе сопротивляются и уже не надеются на жизнь для себя, вместе надеются на будущее для других, вместе верят в бессмертие того пелого, малую часть которого в их лице физически убивают немцы.

Вспоминая эти и другие главы романа, думаешь о силе советского общества, состоящего из миллионов людей, таких же рыцарей, как многие герои «Молодой гвардии», но и столь же способных на бессмертные дела перед лицом испытаний.

Обо всем этом думает, читая «Молодую гвардию».

И тут же провераешь свои чувства:

оказывается, они неотрывны от мыслей, порожденных чтением романа.

Думаю о будущем, одновременно чувствую это будущее в той золотой россыпи новых драгоценных качеств и черт нового человека, которые отбывают героя «Молодой гвардии» и которые в новой редакции романа приобрели большую выразительность, отчетливость.

Вспоминая образы героев «Молодой гвардии», думаешь о характере молодого советского человека вообще, о том, как под могучим влиянием партии развивается этот характер, пройдя через испытания войны, через трудности послевоенного восстановления, закаляясь в борьбе за построение коммунистического общества.

И в то же время чувства, навеянные чтением книги, неразрывно связаны с впечатлениями о неповторимых драгоценных подробностях, связанных с обаянием личности застенчивого и твердого, как сталь, Вани Земчукова или отчаянного в своей непоколебимой самоотверженности Сережки Тляпина.

Роман рождает мысли о силе нашего общества, о непреклонной силе советских людей. Но в то же время он рождает у читателя ощущение себя самого, как части этой силы. Благоприятные поступки героев романа заражают своей частотой, цельностью, мужеством, и хочется следовать лучше, чем ты есть, и каждый чувствует себя способным на это, ибо глубочайшей верой в силу советских людей заражен весь роман.

Фадеева, как художника, отличает пристальное внимание к душевному миру человека, соединенное с верой в красоту человеческой души, в могущество доброй человеческой основы, которая побеждает в настоящих делах все незначительные, мелкие и гурные частности.

Такая вера отнюдь не есть отвлеченное предрасположение, а результат взглядов писателя на жизнь, неслыханной убежденности в победе нового и светлого коммунистического мира над обветшалым и грязным миром капитализма. Это вера в победу добра над злом, — а не боясь употребить эти общие слова, ибо они так наполнены сейчас совершенно конкретным содержанием, что где бы ни сталкивались ныне новое со старым, это столкновение всегда можно с полным правом рассматривать, как столкновение добра со злом, высшего с низким, светлого с темным.

Что бы мы ни вспомнили и какой бы пример ни взяли, — это всегда так.

Вспомним войну, в которой наше социалистическое государство одержало победу над силами фашизма, и в результате не только наша родина осталась независимой и свободной, но стал независимым и свободным от ига фашизма народ демократической Германии.

Возмем возникшие на земном шаре после войны демократические государства нового типа, где свобода восторжествовала над бесправием и где светлое братство народов торжествует над темными пережитками национализма.

Наконец, подумаем о борьбе за мир, где в глазах любого честного человека до такой степени наглядно столкнулись силы мира и силы войны, силы добра и силы зла. И так ясно силы добра возвышались борясь за новый социалистический строй на земле, а силы зла — людьми, отстаивающими зверские принципы старого мира.

Герои Фадеева — не добренькие, а добрые, и во имя этого добра они активно действуют, полнее всего выражая себя именно в борьбе. Они не просто жертвуют своими жизнями, — они с неугасимой ненавистью уничтожают силы зла.

Во имя доброго будущего человечества воюют герои «Молодой гвардии», ведают предателя, сжигают фашистский штаб, убивают фашистов. Отсюда и тот особый, необычайный характер трагизма, который есть в этой кончающейся смертью боюльничестве его героев и в то же время жизнеутверждающей, светлой книге.

Человеку дана одна жизнь. Это старые слова, однако их всегда следует снова вспоминать, когда речь идет о гибели людей, и даже не многих людей, а всего одного человека, у которого всего одна жизнь.

В «Молодой гвардии» в конце романа гибнут десятки людей, один из которых нам полюбился, другие восхитили нас, наконец, третьи вызвали у нас высшую степень восхищения, то есть простое человеческое желание быть похожим на них. Фадеев в «Молодой гвардии» сумел показать не только то, как герои романа умирают во имя победы, но и то, как много сделали они для победы правого дела, как оптимистически они верят в эту победу. Именно это и придает светлый облик роману, в котором слышны так много трагических стон, как может быть, ни в одном произведении нашей литературы.

3. Роман «Молодая гвардия» — это добрая, сильная и правдивая книга.

Но, полюбив эту книгу, с чувством благодарности закрывая ее после чтения, нельзя не сказать и о тех ее страницах, что оказались не на уровне всей книги, ниже ее, слабей.

В последней части романа, как в первом его издании, так и в нынешнем, наступавшая Советская Армия не показана с той силой таланта и глубокой проникновения в жизнь и души людей, каких вправе ждать от Фадеева его читатель, уже знакомый со многими превосходными страницами «Молодой гвардии».

Если Пронько, Лютиков, люди, написанные в романе с большой силой, законно олицетворяют большевистское подполье, то генерал, по прозвищу «Колобо», не может, на мой взгляд, олицетворять собой тип советского военачальника. И думается, дело тут не столько в неудачном прозвище или в том, что, пытаясь его мотивировать, Фадеев неудачно объясняет, что генерал «покапался сначала на главе этой же дивизии, потом армии по плану противника...» и что «впрямь катился он, как колобо».

Вся надуманность этого сравнения станет вполне очевидной, если на минуту сопоставить его с реальной картиной тяжелых боев зимы 43-го года, со валом многих линий немецкой обороны, с движением в снега, в холод, в распутицу по пятам свирепо огрызающегося врага, — какой уж тут в самом деле колобо!

Но главное не в этом. Главное в том, что, найдя для большинства своих героев решающие черты их жизненного поведения и эти решающие черты вывел на первый план, — здесь Фадеев для образа командующего не нашел таких решающих черт.

Мы узнаем, что генерал — хороший, симпатичный человек, что он тактичный, остроумный, что он сердечный, узнаем разные подробности его внешности и его военного быта. Но он до обидного мало показан в самом главном, в том, как он ведет в наступление армию, как командует ею, как ломает обороту противника, наконец, какими полководческими умениями и воли он стремится сделать все, что в его власти, чтобы приблизить часы освобождения Краснодона и десятков других таких же городов, как Краснодон.

Упрек этот следует отнести не только к образу командующего.

Страстного порыва нашей армии вперед, порыва людей, не щадящих жизни ради разгрома врага, ради освобождения своих братьев и сестер, Фадеев, к сожалению, не показал с той силой таланта, с какой он показал и страстную борьбу наших людей под пятой немецкой оккупации, и их страстную жажду освобождения.

Очевидно поэтому страницы, посвященные наступлению нашей армии (среди которых есть немало хороших), все же в целом не выразили ни всей мощи наступления, ни всей его сложности, ни всех препятствий, стоявших на его пути, ни всего того громадного напряжения моральных и физических сил, при помощи которого армия преодолевала эти препятствия.

В этих главах не хватает целостности. В них есть места, где в общей форме говорится о грандиозности и силе наступления, но эти грандиозность и сила недостаточно воплощены в художественных образах, через людей, через цепь их поступков, направленных к достижению победы.

Должно быть поэтому в этих местах художественную картину происходящего заменяют только краткие сведения о происхождении. «Теперь бойцы наступили в полной темноте. Командир батальона, который лично возглавлял эту операцию, как только противник открыл огонь, вынужден был пойти в атаку с теми группами, которые были у него под рукой, а главные силы были еще на подходе. Бойцы ворвались на этот хутор, группа Блюмкина проникла довольно глубоко по улице и заняла бой за здание школы».

В этих фразах, право же, трудно узнать писательскую руку Фадеева.

В главах, посвященных наступлению армии, есть ряд торжественно-очерковых мест. Надо заметить, что неслучайно реже, но все же, кое-где нарушая богатую художественную ткань повествования, такие кусочки сухих сведений, подменяющих повествование, попадают и на других страницах романа. В торжественно-очерковом тоне рассказывается, например, о действиях отряда Туркича в самом конце романа. Есть также же поверхностные места в 29-й и в 37-й главах романа, где речь идет о действиях партизанских отрядов под руководством Пронько.

«Партизанский отряд Ивана Федоровича действовал сам по себе, действовал не-

плохо. В первые же дни отряд разгромил в открытом бою несколько мелких подразделений войск противника. Партизаны истребляли отставших солдат и офицеров, жгли цистерны с бензином, захватывали обозы, дожили в селах немецких авианеостратов и казнили их. Сведений о действиях других отрядов все еще не поступало, но Иван Федорович догадывался, что и другие отряды начали неплохо — по известной молве».

Если бы это место было обобщением многих картин, уже нарисованных до этого художником, то оно могло бы и не вызвать возражений. Но это не есть обобщение уже нарисованных картин, это есть полнота их краткими общими сведениями, а такая полнота, разумеется, неполноценна.

Суя о романе с позиций того большого пелого, что удалось создать художнику, нельзя не сказать об этих недостатках.

Есть в романе Александра Фадеева режий сплав душевного опыта и душевной молодости. Именно поэтому удивительно по силе лирическое отступление о матери или отступлении о друге, написанные одновременно и от имени пятнадцатилетнего и от имени пятидесятилетнего, — в свою очередь адресованы и в пятнадцатилетним и в пятидесятилетним.

Именно поэтому с такой естественностью автор переносится в Серезку Тляпина и с доброй улыбкой отеческой опытности в то же время как бы разделяет всю ярчайшую непосредственность серезжениной юности.

Как драгоценно, прожить большую жизнь и научившись глубоко понимать людей, тоже проживших большую жизнь, таких, как Лютиков, в то же время не научиться понимать юностей, только еще вступающих в жизнь, как Кошевой. И не только не научиться, а, напротив, умение их понимать глубже, лучше, чем когда бы то ни было.

Душевный опыт в соединении с душевной молодостью — это не только режий и благородный сплав, но сплав, драгоценный для писателя, сплав, который говорит и о силе души, и о силе таланта, сплав, за которым видны будущие книги.

Американская машина голосования скрипит...

Простые люди Франции пристало следят за ходом прений на VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Париже.

Делегаты США используют ООН для того, чтобы мнимыми «спасениями» разоружения, о которых они пустословят во дворце Шайо, ввести в заблуждение мировое общественное мнение.

Приведем некоторые примеры, характеризующие это явление. Несмотря на сильнейший нажим, оказанный американским делегатом Г. Джексоном, потребовалось провести 21 тур голосования и только после этого американцам удалось пропустить своего кандидата — Грению — на место, принадлежавшее в Совете Безопасности странам славянского восточно-европейского района.

С большим трудом, еле-еле (23 «против» и 7 «воздержавшихся») американским правителям удалось избрать своих французских «попечителей» от внесения в повестку дня VI сессии Генеральной Ассамблеи вопроса о положении в Марокко.

Что же касается пребывания в Париже представителей марionеточного бонского правительства и делегатов Германской Демократической Республики, то контраст между позициями тех и других в значительной мере содействовал упрочению точки зрения простых людей на германскую проблему.

Посланцы Аленуэра имели неосторожность организовать в Париже пресс-конференцию. Однако журналисты збросили их столь шекотливыми вопросами, что бонские «делегаты» сочли за благо поспешно закрыть конференцию, желая избежать необходимости... отвечать! Но и то, что они успели высказать под напором спывавшихся со всех сторон вопросов, показывает, насколько Аленуэра и его американские хозяева боятся объединения Германии, создания единого, демократического и миролюбивого германского государства.

Отвечая приспешников бонского «канцлера» показали также, что предложение о создании комиссии ООН для «исследования» условий проведения выборов в Германии имеет одну цель: оттянуть на возможно более длительный срок проведение свободных выборов во всей Германии, а также заключение мирного договора, который предусматривал бы вывод всех оккупационных войск.

Припертые к стене французскими журналистами, представители Западной Германии отказались тем не менее отмежеваться от недавних высказываний бонского министра Зеббона, открыто потребовавшего «восстановления» границ Германии в том виде, как они существовали до 1914 года, то есть призвавшего фактически к ревизионистской войне для захвата «земель на Востоке» и новой аннексии Эльзаса и Лотарингии!

Совсем иную картину представляли вы-

ступления делегатов Германской Демократической Республики. Выражая воле широких масс своего народа, представители ГДР подчеркивали, что претворение в жизнь справедливых национальных и демократических требований германского народа невозможно без создания единой, миролюбивой и демократической Германии.

Весьма характерно, что представитель Индонезии, пытающийся отрицать неправомочность создания комиссии ООН, не мог не признать, что резолюция США, Англии и Франции затевает объединение Германии и ведет к усилению напряженности.

Волнующее впечатление на парижан произвела перемена на кладбище Пер-Лашез, во время которой представители Германской Демократической Республики, сопровождаемые делегатами французских трудящихся, возложили венки из живых цветов на могилы французских — жертв гитлеровских оккупантов.

В центре внимания Ассамблеи и всей общественности — попрежнему советская делегация, неустанно добивающаяся соглашения о запрещении атомного оружия и о сокращении вооружений. Представители западных держав упорно пытаются сорвать переговоры и вынуждают поправку за поправкой лишь для того, чтобы утончить в болтовне о «регистрации» вооружений и о подлинном сокращении вооружений и о запрещении атомного оружия. В то же время делегация СССР не пренебрегает даже малейшим поводом, дающим возможность продолжать переговоры по этим важнейшим проблемам.

Продолжения, направленные на продолжение переговоров, немедленно встречают поддержку со стороны советской делегации.

Так, А. Я. Вышинский заявил о своем согласии принять поправки, представленные Египтом, вместе с поправкой Польши. Согласно этим поправкам, как проект «трек» (перепись вооружений), так и советские поправки к нему (запрещение атомного оружия и сокращение вооружений) должны быть представлены на рассмотрение новой комиссии по атомной энергии и вооружениям обычного типа.

Вышинский поддержал также предложение, выдвинутое Ираком и предусматривающее создание посреднического комитета из делегатов нейтральных государств, задачей которого была бы попытка достигнуть взаимного согласия между четверкой великих держав. Однако, эти предложения были немедленно отклонены американским делегатом Джексоном, который, стремясь во что бы то ни стало навязать ООН проект «трек», отказывался идти на какой-либо компромисс.

Народы всего мира благодарны Советскому Союзу за твердую позицию, занимаемую его представителями в ООН в деле защиты мира. Они хорошо видят, что империалисты сталкиваются со все большими и большими трудностями и что их механическое «обливание» в ООН уменьшается. Конечно, американцы могут пуститься на какую-либо новую авантюру в попытке «сплотить» силы лагеря агрессии, который все более теряет почву под давлением сил мира. Но никакие трюки и никакие авантюры не спасут поджигателей войны от неизбежных провалов.

Народы всего мира должны теперь проявить особую бдительность. Это хорошо понимает и французский народ, готовящийся открыть завтра в Париже грандиозный Национальный съезд за разоружение и за мир. На этом съезде 20.000 делегатов, избранных от всех департаментов, выразят непреложную волю всех честных французов отстоять мир.

Ив МОРО

ПАРИЖ, 21 декабря. (По телеграфу)

Хариндранат Чаттопадхая — прогрессивный индийский поэт, один из членов делегации индийских деятелей культуры, посетивших Москву летом этого года.

Ты чист и ясен, как дневной, Ничем не заслоненный свет, И скрытой тайны ни одной, В твоей судьбе и жизни нет.

Ты всем, кто в мир идет с войной, — Неколебимый наш ответ.

Твой облик — твой ли только он, Народа ль только твоего? Ты — облик судеб и времен, Градущей правды торжества, Ты — облик наций и племен И человечества всего.

Ты — низверженые тех, кто ждал Чужою мыслью и трудом. Ты унетенных научил Вставать на бой в ряду одном, Чтоб дом наш — нашим домом был, Чтоб все — родным в краю родном.

В цвету грядущего сада — Их садить ты. За вёрхом дождики идут, Хлеба — стеной. В колхозном изобилии труд Я вижу твой.

Здесь хлеб для тех, кто хлеб растит, Кто хлеб косил. В одном порыве весь народ К работе встал, И песню о тебе поет И стар, и мал.

И каждый трактор и мотор, Машин гигантских каждый винт, И весь простор степей и гор Здесь имя — Сталин — говорит. Дворец, что встал под облака, И мост над быстрою водой — Вот он, бессмертный на века, Автограф твой!

Как продолженье рук твоих, Миллионы сильных, добрых рук Во имя замыслов живых Упрямо трудятся вокруг. Народ труднее творит С вождем всегда, с вождем всегда, И песню о Сталине — вот ритм Того труда!

Ты — мира знамя, ты — его оплот, Ты научил свободные народы, Как побеждать недуги, недород

И силы темные природы. Ты, чтобы счастье человек познал И видел цель, что всех усилий стоит, Энергии атомной приказал. Не разрушать, а только строить.

Товарищ Сталин! Солнца свет Тебе во веки благодарен — Ты путь ему в дома открыл, товарищ Сталин!

Тебя поют хлеба, Тебя поют поля И плодородьем пышущие дали.

И только трус в сматнении своем Перед словами пачитя твоими, И лишь того, кто честь отдал в наем И продал стыд, твое пугает имя, Да всех лакев, не щадящих снид, Чтоб клеветать и гнуть пониже спину.

А нам ты путь в грядущее открыл, Для нас ты правду века воплотил И героизма светлую вершину.

Ты — как исток энергии могучей, Которой и на свете равных нет. Мрак перед ней бежит, редует тучи, Она сердцам дает тепло и свет, Она, как друг, в жилища наши входит И рядом с нами запрямо живет. Тех, кто хочет убит в народе, Испепеляет в гневе сам народ.

Товарищ Сталин! Люди всей планеты К тебе с любовью плют слова Приветств, поэты, Певцы и скульпторы, художники, Солдаты, летчики и моряки, Ученые, ты судьбы велелки, Крестьяне и рабочие, и нет им Числа — рукам, протягивым с приветом.

И с ними я протягиваю руку Через бескрайний континент к тебе. Ты, верю, мне поможешь ее, как другу, Она нужна в твоей борьбе. И мой привет, и сток моих гореные, И все, что в нас тобою зажжено, Есть песнь Всемирного Освобождения — Для нас оно в тебе воплощено!

Перевел Н. ГРИБАЧЕВ

Джеймс Дей, английский офицер, стоял навстречу перед американским генералом Смитом. Еще в казарме Деу успел испепелить: «Будь пожелание. Смит — это глаза и уши Америки в Корее. Понимаешь, как «Интеллидженс сервис» у нас в Англии».

Генерал Смит говорил медленно, раздельно: — Английским морякам поручается ответственное дело: охрана корейских островов Ун-до и Е-до в Японском море.

Перевоску людей с этих островов на корейский берег будут производить только английские моряки. Вы, друг мой, будете лично помогать мне. Возьмите, — и он протянул Деу пачку американских сигарет.

В тот же день американский корабль увез английских моряков из токийского порта на остров Е-до. Большую часть пути Джеймс Дей стоял у борта, мрачно глядя в воду. У него было плохое настроение: он, старый солдат, никак не мог разобраться в этой корейской войне. Он слышал, как рядом сержант Ватт сердил бормотал: «На кой черт сдались мне эта война. Англии нечего делать в Корее. В тризное дело втривали нас проклятые янки», и не переставая думал о том же.

На острове Е-до досталось много работы. Днем английские моряки снали в казармах, почему-то охранявшихся американскими часовыми. С наступлением темноты их посылали сопровождать какие-то лодки, которые подходили чаще всего со стороны соседнего острова Ун-до, а затем направлялись дальше, к побережью Кореи. К земле лодки приближались бесшумно, весла были обмотаны кусками резины. Закутанные в тряпье люди (их лиц Дей не мог разглядеть) неподдалоку от корейского берега прыгали прямо в море и брели по горло в воде, растворяясь в темноте...

Кто были эти люди, зачем их переправляли на материк, — этого английские моряки не знали.

Любопытных мы отдам под суд, — сухо сказал однажды американский командант англичанам в ответ на заданный ему вопрос. И моряки молчали. Среди них уже не было сержанта Ватта. Американцы узнали его как-то из казармы, и больше он не возвращался. Хедия слухи, что янки расстреляли его за «красную пропаганду».

Однажды Джеймс Дей и семеро матросов переправляли очередную группу людей на корейский берег. Бушевал шторм. Высидев людей, Джеймс повернул обратно, но буря сорвала рулевое управление и лодку прибило к берегу. Пограничники Корейской Народно-Демократической Республики захватили англичан в плен.

Что вы делали на острове? — спросил на допросе корейский офицер у Джеймса Дея.

Англичанин ответил так, как его учили: — Мы защищали остров. Офицер усмехнулся.

Защитили? Стоило ли вам ехать так далеко из Англии, чтобы защищать корейский остров от корейцев? Дей вспомнил Ватта и не совсем уверенно сказал:

— Мы — солдаты и выполняли приказ. Мы переправили на берег людей. Корейский офицер испытующе смотрел на англичанина.

— А вы знаете, каких людей вы переправили? Вот, например, сегодня? — негромко спросил он.

Джеймс Дей пожал плечами: — Это делалось всегда ночью, и мне некогда было в нем приглядываться.

Ведный допрос офицер тихо сказал что-то часовому, и тот вышел. Через несколько минут дверь открылась, и в комнату появился человек, до самых глаз закутанный в тряпье. По приказанию офицера пошелший начал медленно раздеваться. Вот показались его руки — страшные, скрюченные, с полубогаженными суставами руки, затем безборное лицо, покрытое зловещими бурными пятнами...

— Мун тун пен, — сказал офицер, глядя на замерших английских моряков, — человек с пятнистой кожей, прожженный из депрессии на острове Ун-до. Вот кого американцы начали использовать в качестве лазутчиков и шпионов! Проклятым поручается добывать военные сведения, а попутно разносить заразу на территории к северу от 38-й параллели...

И вот военнопленный Джеймс Дей, англичанин, уроженец графства Бент, сидит перед нами и твердит:

— Это подло, очень подло! Янки не имели права поступать так. Он вспоминает все, что происходило на острове Е-до, и события неожиданно встают перед ним в новом свете.

— Нас самих держали, как прожженных! — с горечью восклицает Дей. — Американцы, видимо, боялись заразиться через нас. Поэтому нас изолировали в казармах, где была столовая, баня. Смит говорил мне: «Мы вам доверяем». Да, они доверяли, доверяли заразить! Они поручили это грязное дело нам, а не своим солдатам. Лгья превильки делать все чужими руками...

Немного помолчал, Дей тревожно спрашивает: — Как вы думаете, мы не заразились? Я напишу домой обо всем, пусть там, в Англии, знают, на что обрекают нас американцы!

...Мы снова у корейского офицера, этого незаметного, скромного героя. Вместе со своими воинами он подстергает и вылавливает лазутчиков, засылаемых американцами на корейскую землю.

— Они уже забросили сюда немало прожженных, — говорит офицер. — Сегодня мы задержали Тен Ти Юна, Ян Док Сима, Чан Ик Сена и других. Кто они? Темные, безграмотные люди с юга Кореи, обреченные болезнью на неизбежную гибель, ставшие оружием в руках американцев...

Итак, арсенал американских агрессоров пополняется еще одним средством — проказой. Этому трудно поверить, но это так. Янки не удалось сохранить тайну острова Ун-до!

Ирина ВОЛК, специальный корреспондент «Литературной газеты» ПХЕНЬЯН, декабрь. (По телеграфу)

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Мы воспроизводим заметку, помещенную в номере датской реакционной газеты «Берлинские тиденде» от 5 ноября 1951 года под таким заглавием:

«Засвоения снова встречаются. Датчане приглашены на зэсовский конгресс в Западной Германии!»

От полного текста этой заметки. «От нашего корреспондента Дюссельдорф, воскресенье вечером. Были датские и норвежские зэсовцы приглашены на зэсовский конгресс в Западной Германии. Конгресс будет происходить в воскресенье в Гамбурге. Бывший зэсовский генерал Корберт Гилле заявляет, что на этот конгресс прибудут «все из всей Европы». Несмотря на свое темное прошлое, Гилле играет в настоящее время большую роль в послевоенных западногерманских солдатских организациях, где он занимает один из руководящих постов.

Сообщение о конгрессе было сделано на митинге зэсовцев в Гамбурге в субботу вечером. Западногерманские власти не чинят никаких препятствий деятельности бывшей гитлеровской отборной гвардии, а союзники также не желают вмешиваться в это дело.

Газета сопроводила эту корреспонденцию примечанием: «Перепечатка не разрешается».

Berlingske Tidende

SS mødes igen

Danskere indbudt til SS-Kongres i Vesttyskland!

Fra vor Korrespondent DUSSELDORF, SØNDAG AFTEN

Tidligere danske og norske SS-Folk er blevet inviteret til SS-Kongres i Vesttyskland. Kongressen finder Sted til Foraart i Hamborg. Eks-SS-General Herbert Gille siger, at der vil komme «Gæster fra hele Europa. Gille spiller trods sin mørke Fortid i Dag en stor Rolle inden for Efterkrigsidens vesttyske Soldater-Organisationer, i hvis Hovedbestyrelse han sidder.

Meddelelsen om Kongressen blev givet paa et SS-Møde i Hamborg Lørdag Aften. De vesttyske Myndigheder lægger ingen Hindringer i Vejen for den gamle Hitler-Elitegandes Virksomhed, og de Allierede ønsker heller ikke at gribe ind. Eftertryk ikke tilladt.

В долине реки По

Феличе КИЛАНТИ

Страшное наводнение, происшедшее у нас в Италии, — расплата по старому счету. Конечно, катастрофа, постигшая страну, — это стихийное бедствие. Но вместе с тем она является также и трагическим результатом северного государственного управления Италией в течение многих десятилетий. Усилившейся в последнее время клеветой на Советский Союз итальянские правящие круги пытались отвлечь внимание общественного мнения от этого факта. Они, ранее расстрачивавшие национальное достояние в агрессивные войны, а ныне вращившие в американскую военную колонию, чувствуют свою вину. Эти люди боятся, что им придется дать наружу ответ за содеянное.

Но клеветники попали в новую беду — пришло известие о помощи профсоюзных, женских и кооперативных организаций Советского Союза населению Италии, пострадавшему от наводнения.

На этой карте, взятой нами из французского журнала «Репар», показана зона наводнения в долине реки По. Эта зона, заштрихованная на карте, представляет собой площадь в виде четырехугольника с 120 километров длиной и 60 километров шириной в низинах рен Адидже и По.

Некоторые из реакционных газет попытались попусту замолчать это сообщение, другие попытались его всего лишь несколько строк. Сообщение о конкретных и благородных действиях советских людей итальянское радио передало всего-навсего один раз: в воскресенье, 2 декабря, в 8 часов вечера.

В тот вечер мы находились в дымной таверне деревушки Тальо ди По, в долине реки В район наводнения мы преждали как представители демократической печати в тот же день, когда прорвало дамбы. Своими глазами мы видели размеры ужасного бедствия: десятки тысяч женщин и детей, бежавших от наводнения ненастной туманной ночью; скот, отрезанный живой водой и скопившийся на уцелевших дамбах под присмотром немногих измученных и голодных людей; мы видели затопленные сахарные заводы, дома, унесенные водой. Мы были свидетелями того, как одна из плодороднейших провинций Италии превратилась в необозримое, бесконечное болото.

И даже сейчас, когда пишется эти строки, наводком попрежнему займты десятки тысяч гектаров плодородной земли, и от места прорыва дамбы в Окьябелло По продолжает катить свои волны по равнине. Сток воды в море происходит чрезвычайно медленно...

Таверна в Тальо ди По была полна людьми, вернувшимися на дамбы из отдаленных районов, куда сейчас переправлены беженцы. Собравшиеся шумели и спорили. Эти люди — батраки, крестьяне-бедняки, арендаторы — пришли просить, чтобы их послали на работу. Они горели желанием приступить к ликвидации последствий наводнения. Вель на той стороне реки, через которую сейчас можно переправиться на примитивном пароме, находятся их родные деревни: Донада, Коптриня, Росалина и многие другие. Они все еще залиты водой. Эти люди обратились к военным властям, под контролем которых находится переправа, с просьбой разрешить им вернуться домой, на свои участки. У некоторых из них в затопленных деревнях остались родные: отец или брат, которые отказались уехать и мужественно отстаивают свой дом от воды.

Крестьяне хотели сейчас же, по следам медленно отступающей воды, начать прокладку отводных каналов, они даже составили план работ. Но получили категорический отказ: никто не имеет права переправляться за реку, вся затопленная зона находится на военном положении. С заката до восхода солнца здесь никто не имеет права выходить на улицу. Правительство не дало населению никакой надежды, никаких перспектив.

Разная бывает помощь... Приехавшие из Рима священники воздвигли на уцелевших дамбах маленькие алтари, где служат обедни и проносят проповеди. Они говорят о «господине «люсердин», о «великом прощении»... «Забудьте прошлое и положитесь на святых», — призывают эти католические служители.

О каком же прошлом идет речь? Дело в том, что население затопленных районов вело долгую и упорную борьбу за аграрную реформу. Подавляющее большинство землевладельцев — активные сторонники мира. После долгих месяцев ожесточенной борьбы крестьяне дельты По вынуждены правительством пойти на уступки. Как раз в те дни, когда произошло наводнение, крупные землевладельцы должны были передать некоторую часть своих земель крестьянам. И теперь, когда земля

залиты водой, помещики тоже твердят: «забудем прошлое», а правительственные газеты предлагают воспользоваться случаем, чтобы отменить проведение реформы в затопленных районах, а крупным аграриям, оставив им их владения, выдать субсидии и ссуды «на восстановление».

«Забудь прошлое...» Не только в Тальо ди По, но и в других деревнях — в Борбола, Фелонка, Сермиде, во всем районе бедствия десятки тысяч крестьян и батраков вернулись к реке и требуют начать работы, требуют дать им возможность немедленно приступить к осужению затопленных земель. И все они слышат один ответ от властей: нужно ждать. Им дают понять, что это «ожидание» может продлиться годы. Таким образом, «прошлое, которое надо забыть», — это вся жизнь крестьян, их дома и земли, труд, родные места, где люди родились, где появились на свет они сами и их дети, где погребены их предки...

Весьма характерно, что одно американское агентство поспешило даже прокомментировать наводнение «с точки зрения»... Атлантического пакта! По словам этого агентства, «карьеристские представители» военного командования США расценивают прорыв плотин на реке По, как «интересный прецедент», который следует учитывать на случай... войны: «эти районы могут быть затоплены, если это потребуются по стратегическим соображениям».

В тот вечер второго декабря люди, собравшиеся в таверне Тальо ди По, люди, пришедшие издалека, чтобы трудиться, строить, восстанавливать, спорили, волновались, громко выражали свое негодование... И вдруг радио — в промежутке между очередным «атлантическим» коммюнике и обычной антисоветской клеветой — передало сообщение о помощи трудящихся Советского Союза пострадавшему от наводнения населению Италии.

Цифры были выслушаны в глубокой тишине: 50.000 центнеров пшеничной муки, 2.500 центнеров сахара, 100.000 банок ступенчатого молока, 60 миллионов лир, 20 тракторов с прицепными плугами, 10.000 центнеров семенной пшеницы! Но не только размеры благотворительной помощи советских трудящихся глубоко взволновали людей.

Батраки и бедные крестьяне были от всего сердца признательны советским

друзьям и за 60 миллионов лир, и за муку, за сахар и ступенчатое молоко. Они были горды этим даром, как проявлением самой прекрасной человеческой солидарности и дружбы; они думали о своих женах и детях, терпящих лишения, нуждающихся в хлебе и молоке; они радовались деньгам, которые можно будет распределить, чтобы пережить эти тяжелые дни несчастья.

И для всех без исключения огромную важность представляли два последних пункта в списке: семенная пшеница и тракторы! Дар советских людей разорвал замкнутый круг благотворительного льва о сти. Ведь благотворительность не приносит надежды, она не открывает путь в будущее. Она в лучшем случае дает возможность прожить сегодняшний день, но время отодвигает годовую смерть, но ничего не обещает человеку, который хочет жить трудом своих рук.

От советских трудящихся пришел дар более значительный: зерно для посева на отвоеванной земле, тракторы и плуги, которые проложат борозды на пашне, уже казавшейся утраченной. От советских трудящихся в этот ненастный вечер пришла на затопленные поля помощь в борьбе, призвал верить в себя, в свой труд, в право на жизнь. И об этом долго толковали крестьяне в таверне.

— 10.000 центнеров семенной пшеницы, — говорили они, — этого хватит, чтобы засеять 10.000 гектаров. А это — третья часть затопленной земли, занятой под пшеницу.

— А 20 мощных советских тракторов — они могут вспахать еще большую площадь!

Эти слова и мысли влияли новые силы в людей. И в деревне Тальо ди По, в барак, где приютились беженцы, и в деревушках, едва поднявшихся из волн, и в долине По, где было услышано радостное сообщение о советской помощи, люди вновь почувствовали горячее биение пульса жизни, которая, как им казалось еще недавно, замерла.

ДОЛИНА РЕКИ ПО

Сметая и затопляя все на своем пути, ухнула вода из прорванных дамб в район Адри. Власть не обеспечила население угрожаемой зоны переправочными средствами, и жители спасались на самодельных плотах. Десятки людей, представленные сами себе, погибли в неравной борьбе с разбушевавшейся водной стихией.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, В. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).